
СВИДЕТЕЛИ
ТИШИНЫ
НАТАЛЬЯ ШПЕТНАЯ

Наталья Шпетная

Свидетели тишины

«Автор»
2026

Шпетная Н. К.

Свидетели тишины / Н. К. Шпетная — «Автор», 2026

Продолжение романа «Карты, снег и пепел» о Федоре фон Боке.1945 год. Германия капитулировала, но война не закончилась для тех, кто остался с её следами. Главным героем становится Карл Вайс — офицер штаба фон Бока, бывший генерал-майор Вермахта. Он оказывается под следствием, а в его распоряжении — архив военного юриста Вильгельма Хартмана: документы о голоде военнопленных, реквизициях, депортациях и принудительном труде.Среди бумаг — сведения о жителях Смоленска, угнанных в Германию, и имя Сергея Ларионова, исчезнувшего после отправки на работу. Советская комиссия требует от Вайса точных ответов: что он знал, что подписывал и почему продолжал служить, когда преступления уже нельзя было не замечать.В Смоленске его ждёт Анна Ларионова — учительница, чьи списки погибших, пропавших и угнанных пережили оккупацию.Роман о памяти, ответственности и цене молчания. О документах, возвращающих людям имена, и о человеке, которому позднее свидетельство не даёт права на прощение.

© Шпетная Н. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

«Свидетели тишины» 5
Часть I. После капитуляции 11
Глава 2. Портфель фон Бока 16
Глава 3. Ящик 22
Глава 4. Никто ничего не знал 28
Глава 5. Письмо, которое не дошло 34
Глава 6. Список на полях 39
Глава 7. Человек из Польши 45
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Наталья Шпетная
Свидетели тишины

«Свидетели тишины»
Пролог. Портфель

Май 1945 года. Северная Германия

Очередь двигалась медленно, как движутся люди, которым больше некуда торопиться.

Она тянулась от ворот бывших казарм через двор, мимо разбитого грузовика и навеса, под которым британские солдаты раздавали кипяток в жестяные кружки. В очереди стояли женщины с детьми, старики, солдаты без знаков различия, несколько подростков в слишком больших шинелях. Были и люди, чья одежда не позволяла сразу понять, кем они были вчера: военными, чиновниками, рабочими, беженцами, заключёнными.

У каждого в руках находилось то, что он успел сохранить.

Чемодан. Узел. Коробка с посудой. Портфель. Ребёнок.

Карл Вайс стоял один.

На нём было тёмное гражданское пальто, найденное в доме знакомой семьи за день до этого. Оно было велико в плечах и коротковато в рукавах. Под пальто – рубашка без воротничка, старые брюки, сапоги, на которых ещё виднелись следы военной грязи.

Он снял фуражку несколько дней назад и не взял её с собой.

Однако прошлое не исчезало вместе с фуражкой.

Осанка выдавала его раньше документов. Привычка стоять прямо, не переступать с ноги на ногу, смотреть перед собой, а не по сторонам. Даже теперь, когда звания уже ничего не значили, а приказы сменились объявлениями на английском языке, он всё ещё выглядел человеком, который ожидает доклада.

Впереди под навесом за столами сидели британский капитан, два сержанта и немецкие переводчики. Люди подходили по одному. Их спрашивали имя, возраст, место последнего проживания, профессию, принадлежность к партии, службу в армии. Затем давали карточку с номером, направляли к медикам, в столовую или к палаткам.

Иногда человека отводили в сторону.

Тогда остальные старались не смотреть.

За Вайсом стояли двое мужчин. Один был в выцветшей рабочей куртке, другой – в шинели без погон. Они говорили тихо, но ветер доносил слова.

– Теперь главное – правильно заполнить анкету, – сказал тот, что в куртке.

– Главное – пережить неделю, – ответил второй.

– Неделя переживается анкетой. Если ты был рядовым – был рядовым. Если служил в конторе – служил в конторе. Если состоял где-то – не состоял.

– А если спрашивают прямо?

Первый усмехнулся.

– Тогда надо понять, что именно они хотят услышать.

Вайс не обернулся.

Фраза была знакомой. В штабах её не произносили так грубо, но смысл оставался тем же. Правильная формулировка. Необходимое уточнение. Сведения требуют проверки. Не входит в компетенцию. Обстановка не позволяет установить.

Он слишком хорошо знал, как много можно спрятать в одном правильно составленном предложении.

Очередь сдвинулась на несколько шагов.

У ворот лагеря остановился грузовик. Из него вышли трое британских солдат, затем офицер военной полиции. Между ними двигались несколько мужчин в немецкой форме без оружия. Один был ранен в голову; повязка уже потемнела. Другой держал руки в карманах, словно ему было холодно, хотя день стоял тёплый.

Вайс заметил, что люди в очереди начали смотреть на прибывших.

Не с сочувствием.

С расчётом.

Каждый пытался понять, кого забирают и по какой причине. СС? Партия? Полиция? Просто неудачники, которым не повезло оказаться в чужом списке?

После войны страх редко исчезает. Он лишь меняет форму и начинает носить другую повязку на рукаве.

– Следующий! – крикнул переводчик.

Вайс шагнул к столу.

Британский капитан был молод – моложе Вайса лет на двадцать. Он сидел, не снимая кителя, и выглядел уставшим. Перед ним лежала стопка анкет. Он не смотрел на людей долго, не пытался заглянуть в душу. Ему нужны были ответы, даты, места, имена.

– Name? – спросил он.

Переводчик повторил по-немецки:

– Имя?

Вайс помедлил.

Это была всего лишь фамилия. Его собственная фамилия. Но за ней стояли личные дела, приказы, служебные записки, люди, которых он отправлял в штабы, лагеря, комендатуры. Стояли донесения, где его подпись выглядела ровно и спокойно.

– Карл Вайс.

Переводчик записал.

– Год рождения?

– Тысяча восемьсот девяносто восьмой.

– Профессия до войны?

Вайс посмотрел на офицера.

Он мог ответить: чиновник. Служащий. Военный пенсионер. Всё это можно было сделать правдой, если выбрать правильный угол.

– Офицер, – сказал он.

Переводчик поднял глаза.

– Звание?

Вайс почувствовал, как за спиной будто стало тише.

– Генерал-майор.

Капитан впервые посмотрел на него внимательно.

Он не знал, кто такой Карл Вайс. Не обязан был знать. Для него перед столом стоял один из множества немецких генералов – людей, которые проиграли войну, а теперь выстраивались в очереди, как все прочие.

Он что-то спросил переводчика.

Тот повернулся к Вайсу:

– В каких войсках служили?

– Сухопутные войска.

– Последняя должность?

Вайс ответил не сразу.

Перед глазами возникла карта группы армий «Центр». Места, которые он мог бы назвать. Минск. Смоленск. Москва. Затем Берлин, где он служил на должности, не имевшей уже ни влияния, ни ясного смысла.

– Штабная служба, – сказал он. – Восточный фронт.

Переводчик перевёл.

Капитан что-то отметил в анкете и кивнул сержанту. Тот выдал Вайсу карточку с номером и сказал по-немецки с сильным акцентом:

– Медосмотр. Потом палатка семь.

Вайс взял карточку.

На ней стояло: **№ 4187**.

Имя, звание, должность – всё сжалось до цифры.

Он отошёл от стола.

– Господин генерал.

Голос прозвучал тихо.

Вайс обернулся.

Перед ним стоял мужчина в грязной шинели. На лице – щетина, под глазами – тёмные круги. Левая рука была перевязана, пальцы правой дрожали. Вайс смотрел на него несколько секунд, прежде чем узнал.

– Гефнер, – сказал он.

Бывший капитан Эрнст Гефнер служил в тыловом отделе группы армий «Центр». В 1941 году он докладывал о железных дорогах, складах, охране колонн военнопленных. Потом его перевели, затем он исчез среди тысяч фамилий, которые война переставляла с места на место.

– Я думал, вы в Берлине, – сказал Гефнер.

– Был.

– А теперь?

Вайс посмотрел на карточку в своей руке.

– Теперь, очевидно, в палатке семь.

Гефнер криво усмехнулся.

– Мир стал проще.

– Нет. Просто вопросы стали короче.

Они помолчали.

Гефнер оглянулся на британцев.

– Вы сказали им звание?

– Да.

– Зачем?

– Они спросили.

– Господин генерал… Карл, – он понизил голос, – сейчас не время быть точным. Они ищут виноватых. Им нужны имена.

Вайс посмотрел на него.

– Имена у них будут.

– Вы не понимаете. Они не станут разбираться, кто что подписывал. Для них Восточный фронт – это уже приговор.

– Возможно.

– «Возможно»? – Гефнер нервно усмехнулся. – Вы всегда говорили, что у документа должно быть точное основание. А теперь готовы позволить им записать вас в одну строку со всеми?

Вайс почувствовал, как старая привычка подсказывает ответ: *следствие установит обстоятельства*. Он почти произнёс эти слова.

Но остановился.

– Я был на Восточном фронте, Гефнер.

– Я тоже.

– Тогда не надо делать вид, что это ничего не значит.

Гефнер побледнел.

– Я занимался снабжением.

– Да.

– У меня не было власти.

– У вас были бумаги.

– Бумаги не убивают.

Вайс посмотрел на него долго.

– Иногда убивают именно они.

Гефнер отступил на шаг. В его лице мелькнуло не раскаяние – испуг. Он быстро огляделся, словно боялся, что кто-то услышал разговор.

– Я вас не видел, – сказал он.

– Это ваше право.

– Нет, – резко прошептал Гефнер. – Теперь, кажется, уже ничего не наше право.

Он ушёл к палаткам, сутулясь, хотя прежде ходил с безупречной штабной прямотой.

Вайс смотрел ему вслед.

Ветер гонял по двору бумажный обрывок. Тот ударился о сапог британского солдата, перевернулся и застрял в луже. Вайс заметил на нём часть старого немецкого бланка: печать, дата, несколько строк машинописного текста.

…подлежит немедленному…

Остальное размыло водой.

– Генерал Вайс?

Он обернулся.

Перед ним стоял британский сержант. Рядом с ним – пожилой немец в гражданском пальто. В руках у пожилого был кожаный портфель.

Вайс сразу его узнал.

Тёмная, потёртая кожа. Латунная застёжка. След от старой царапины на боку. Этот портфель он видел десятки раз – в штабных вагонах, в бункерах, в кабинетах, на коленях у человека, который умел носить его так, словно внутри лежала не бумага, а продолжение собственной власти.

На клапане были выдавлены инициалы:

F. v. B.

Вайс почувствовал, как холодеют пальцы.

– Откуда он у вас? – спросил он.

Пожилой немец снял шляпу.

– Меня зовут Густав Мельник. Я служил у господина фельдмаршала… в последние годы. Вёл хозяйство, помогал с вещами. Перед смертью он… – мужчина запнулся. – После того, что случилось на дороге, часть вещей нашли. Потом всё переходило из рук в руки. Я искал вас.

– Зачем?

Мельник посмотрел на портфель.

– Потому что внутри ваше имя.

Сержант, не понимая немецкой речи, нетерпеливо спросил что-то. Переводчик подошёл ближе. Мельник объяснил. Британец выслушал, посмотрел на Вайса, затем на портфель.

– You may examine it here,[1] – сказал он.

Переводчик передал:

---

[1] — Вы можете ознакомиться с ним здесь.

– Вы можете осмотреть вещи здесь. При свидетелях.

Вайс кивнул.

Они сели за пустой стол у края навеса. Сержант остался рядом. Мельник стоял, сжимая шляпу обеими руками. Дождя не было, но воздух пах мокрой землёй и дымом от полевой кухни.

Вайс положил ладонь на портфель.

Кожа была холодной.

Он расстегнул клапан.

Внутри лежали бумаги, аккуратно сложенные в несколько папок. Пенал с карандашами. Флакон с лекарством. Старая фотография – мужчина в форме, женщина в тёмном платье, мальчик у них между коленями. Вайс предположил, что это семья фон Бока, но не стал разглядывать.

Сверху лежал конверт.

На нём знакомым сухим почерком было написано:

«Генерал-майору Карлу Вайсу. Лично».

Он взял конверт.

Печать была сорвана.

– Вы читали? – спросил он Мельника.

Тот побледнел.

– Нет, господин генерал. Я не мог. Я только увидел имя.

Вайс кивнул.

Он вскрыл конверт.

Внутри находился один лист. Почерк фон Бока был твёрдым, но буквы дрожали сильнее, чем прежде.

Карл.

Если это у вас, значит, обстоятельства сложились быстрее, чем я предполагал.

В металлическом ящике среди семейных бумаг есть материалы доктора Хартмана. Ключ приложен. Не уничтожайте документы и не передавайте их тому, кто потребует владеть ими единолично.

Если бумаги сохранились, они не должны снова стать чьей-то собственностью.

Ф. фон Бок.

Вайс перечитал письмо.

Ни слова о вине.

Ни слова о Польше, Минске, Смоленске, зиме под Москвой. Ни слова о том, что сам фон Бок сделал или не сделал. Даже теперь он сумел написать так, словно давал распоряжение по архиву, а не обращался к человеку, перед которым был в долгу.

Вайс сложил лист.

– Где ключ? – спросил он.

Мельник указал на внутренний карман портфеля.

Там лежал маленький ключ на кольце. К нему была привязана картонная бирка. На ней – адрес дома, который Вайс знал: север Германии, старое поместье, где фон Бок провёл последние месяцы.

И ещё одна вещь.

Латунный компас.

Вайс взял его, открыл крышку.

Стрелка дрогнула.

Повернулась.

Остановилась.

На север.

Он смотрел на неё, пока вокруг продолжалась лагерная жизнь: британский сержант зевнул, женщина у полевой кухни звала ребёнка, кто-то ругался из-за места в палатке, переводчик заполнял очередную анкету.

Компас указывал направление с той же безупречной уверенностью, с какой делал это всю жизнь.

Вайс закрыл крышку.

– Где металлический ящик? – спросил он.

Мельник посмотрел ему в глаза.

– Я надеялся, что вы скажете: не стоит его искать.

– Почему?

– Потому что господин генерал… – старик осёкся. – Потому что всё уже кончилось.

Вайс убрал письмо обратно в конверт.

– Нет, – сказал он. – Кончилось только то, что можно было скрывать за приказами.

Он взял портфель.

И впервые за много лет не почувствовал облегчения оттого, что у него в руках оказались бумаги.

Часть I. После капитуляции
Глава 1. Имя без звания

Палатка номер семь была рассчитана на тридцать человек и вмещала сорок восемь.

Это не являлось нарушением порядка – просто порядок после войны измерялся иначе. Раньше штабные таблицы определяли, сколько вагонов необходимо для переброски дивизии, сколько тонн горючего потребуется танковой группе, сколько людей должно быть в санитарной роте. Теперь у людей были карточки с номерами, по одной миске на двоих и право занять место на соломе, если они успевали вернуться до отбоя.

Вайсу достался крайний настил у полотняной стены.

Слева храпел пожилой артиллерист с багровым лицом. Справа лежал мальчишка лет семнадцати, в форме зенитной вспомогательной службы; он спал, поджав колени, и во сне шевелил губами, будто всё ещё передавал координаты цели. У входа, на ящиках, сидели двое бывших унтер-офицеров и играли в карты. Играли без денег: ставить было нечего, кроме хлеба, а хлеба никто не хотел лишаться.

Портфель фон Бока Вайс положил под голову.

Он не доверял ни палатке, ни солдатам, ни собственному сну.

Вечером Густав Мельник ушёл в сектор для гражданских. Перед расставанием он неловко поклонился, словно Вайс всё ещё мог требовать от него доклада.

– Дом цел? – спросил Вайс.

– Пока да.

– «Пока»?

Мельник глянул в сторону дороги, где за колючей проволокой темнели крыши лагерных строений.

– Война кончилась, господин генерал. Теперь всё цело только пока.

Он сказал это без упрёка, почти устало. Но Вайс ещё долго слышал в памяти эти слова.

Дом фон Бока находился в нескольких часах пути отсюда. Если бы дороги были свободны. Если бы у него был автомобиль. Если бы британская администрация позволяла людям с карточкой интернированного номер 4187 покидать лагерь. Если бы ключ открывал именно тот ящик, о котором писал фон Бок.

Слишком много «если» для одного дня.

Вайс лежал, глядя в серую ткань потолка. Свет единственной лампы падал на неё жёлтым кругом. За стенкой хлопал брезент, и вся палатка временами вздрагивала, будто по ней проходил далёкий артиллерийский удар.

Он вынул письмо.

Прочитал снова.

Если бумаги сохранились, они не должны снова стать чьей-то собственностью.

Слово «собственность» раздражало.

Будто речь шла о библиотеке, о фамильном серебре, о земельных книгах. Не о донесениях, где люди превращались в количество. Не о приказах, которые начинались с заботы о снабжении и заканчивались могилами без имён.

Вайс повернулся на бок. Плечо заныло – старая рана всегда выбирала ночь, чтобы напомнить о себе. В сорок третьем под Оршей осколок вошёл неглубоко, но удачно: не убил, не искалечил, лишь оставил в мышце тупую память. Врачи тогда сказали, что ему повезло.

С тех пор Вайс не любил слово «повезло».

Рядом кто-то проснулся и закашлялся.

– Господин генерал, – тихо произнёс знакомый голос.

Вайс сел.

У входа стоял Гефнер. В темноте его лицо казалось ещё более осунувшимся.

– Что вам нужно?

– Поговорить.

– Утром.

– Утром нас могут развести по разным секторам.

Вайс посмотрел на него, затем на часы. Они остановились два дня назад, и он так и не завёл их снова.

– Выйдем.

Ночь была прохладной. За ограждением лагеря чернели деревья, а дальше, за ними, едва угадывалась дорога. На дороге никто не ехал. Впервые за много лет Вайс видел немецкую дорогу, по которой не двигалось ничего: ни колонны, ни санитарные машины, ни тягачи, ни беженцы с телегами, ни мотоциклисты с пакетами приказов.

Лишь ветер шевелил траву на обочине.

Они остановились у цистерны с водой.

– Я сказал лишнее, – начал Гефнер.

– Вы сказали обычное.

– Нет. Я хотел сказать другое.

Вайс молчал.

Гефнер потёр ладонью лицо.

– Вы нашли что-то у фон Бока?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Вайс не изменился в лице, но почувствовал, как внутри всё сжалось.

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что Мельник не умеет держать рот закрытым. Он сказал одному человеку в очереди, что приехал из дома фельдмаршала. Потом сказал, что искал вас. Здесь слухи бегут быстрее, чем раньше приказы.

– И что именно, по-вашему, я должен был найти?

– Не знаю.

– Тогда зачем пришли?

Гефнер посмотрел на него с тем особым выражением, которое Вайс видел у штабных офицеров после плохих новостей. Человек ещё не знает всей катастрофы, но уже понял, что она существует.

– Потому что в сорок втором я видел доктора Хартмана, – сказал он.

Вайс не ответил.

– В Минске. Он приехал в тыловой отдел. Требовал какие-то журналы. Сводки о продовольствии. Списки больных. Я тогда подумал, что он хочет устроить скандал из-за лагеря.

– И что?

– Он не устраивал скандалов. – Гефнер усмехнулся безрадостно. – Он был слишком воспитан для этого. Он задавал вопросы. Самое неприятное оружие на свете – вежливый человек с карандашом.

– Вы отдали ему журналы?

– Частично.

– Частично?

– Я сказал, что остальные не у меня.

– Они были у вас?

– Да.

Вайс посмотрел в сторону палаток. Там кто-то громко выругался во сне.

– Что стало с журналами?

Гефнер не сразу ответил.

– Я не знаю.

– Неправда.

– Хорошо. Знаю. Я сжёг часть зимой сорок третьего. Когда пришёл приказ уничтожать бумаги при отходе.

– Какую часть?

– Копии ведомостей. Отчёты по лагерям. Несколько сводок по рабочим командам.

– Почему только часть?

– Потому что у меня не было времени всё сжечь.

Вайс почувствовал не гнев. Гнев требовал простоты, а простоты больше не существовало. Было лишь желание спросить: сколько имён можно уничтожить за один вечер, если у человека есть печка, бензин и приказ?

– Остальное где?

– В архиве корпуса. Или под снегом. Или уже у русских. – Гефнер нервно передёрнул плечами. – Какая разница?

– Для тех, чьи имена были там, разница есть.

– Вы тоже теперь говорите как Хартман.

– Нет. Хартман говорил лучше.

Гефнер опустил глаза.

Несколько секунд они слышали только воду, капавшую из плохо закрытого крана.

– Он приходил к вам? – спросил Гефнер.

– Кто?

– Браун.

Вайс поднял взгляд.

– Отто Браун?

– Да.

– Нет.

– Придёт.

– Почему?

Гефнер пожал плечами.

– Потому что он всегда приходит туда, где лежат бумаги. Раньше – чтобы подписать. Теперь – чтобы они не нашлись.

Он сказал это так тихо, что Вайс сначала решил: ослышался.

– Вы видели его?

– Сегодня. У регистрационного барака. Он был в гражданском, с каким-то англичанином. Или канадцем, я не различаю. У него документы, чистый воротник, даже ботинки начищены. Как будто он не бежал через полстраны, а приехал на деловую встречу.

– Он узнал вас?

– Нет. Или сделал вид.

– А вы?

– Я не хотел, чтобы он меня узнал.

– Почему?

Гефнер посмотрел на него почти с ненавистью.

– Потому что Браун помнит всё, господин генерал. Особенно то, что может ему пригодиться.

Он развернулся и пошёл обратно к палатке.

– Гефнер.

Тот остановился.

– Если увидите его ещё раз, не подходите.

– Это приказ?

Вайс помедлил.

– Нет.

– Тогда, может быть, впервые за всё время я его выполню.

Он ушёл.

Вайс остался у цистерны. Над лагерем висело мутное небо без звёзд. Где-то далеко, за лесом, глухо работал двигатель. Он подумал, что это, вероятно, грузовик, а затем поймал себя на старом профессиональном движении мысли: определить направление, расстояние, тип машины, цель передвижения.

Он заставил себя не слушать.

Утром лагерь проснулся от свистка.

Люди выбирались из палаток молча, натягивали сапоги, поправляли ремни на брюках. Кто-то брился у ведра с водой, кто-то спорил о пайке. Над двором висел запах жидкого кофе, сырой одежды и дыма.

На доске объявлений появился новый лист.

БЫВШИЕ ОФИЦЕРЫ ВЕРМАХТА.

ЯВИТЬСЯ НА ПРОВЕРКУ ДОКУМЕНТОВ.

СЕКТОР В.

ПО СПИСКУ.

Под объявлением уже толпились люди.

Вайс не стал пробираться вперёд. Он подождал, пока толпа поредеет, и лишь тогда увидел свою фамилию.

WEISS, Karl. Nr. 4187.

Ниже стояло ещё одно имя.

BRAUN, Otto. Nr. 3112.

Он смотрел на строку несколько секунд.

Браун был здесь.

Не где-то в лагере, не слухом Гефнера, не тенью из Польши, Минска и бесконечных папок, где слова «меры безопасности» означали сожжённые деревни, заложников, расстрелы на окраинах.

Здесь.

В нескольких сотнях шагов.

– Генерал Вайс?

Он обернулся.

Перед ним стоял молодой немецкий переводчик из регистрационного барака. На нём был гражданский пиджак с чужого плеча и белая повязка на рукаве – знак, что он работает при британской администрации.

– Да.

– Вас просили пройти в канцелярию.

– Кто?

Переводчик сглотнул.

– Один человек утверждает, что у него есть для вас сведения о доме фельдмаршала фон Бока.

– Имя?

Юноша посмотрел на листок в руке.

– Господин Браун. Отто Браун.

Вайс почувствовал, как боль в плече стала резче.

Он взял портфель фон Бока, который всю ночь пролежал у него под головой.

– Где канцелярия?

Переводчик указал на низкое кирпичное здание у ворот.

– Там.

Вайс пошёл через двор.

Люди расступались перед ним не потому, что узнавали генерала. Просто он шёл так, как привык ходить к столу, за которым его ждало решение.

Только теперь он не знал, кто его примет.

И какое из прошлых решений уже ждёт его самого.

Глава 2. Портфель фон Бока

Канцелярия занимала две комнаты бывшего караульного здания. В первой за столами сидели переводчики, сортировали карточки, ставили штампы и пересчитывали пачки бланков. На полу стояли ящики с надписями по-английски; немецкие слова поверх некоторых были перечёркнуты с такой старательностью, будто это могло изменить содержимое.

Вайс вошёл, назвал номер карточки.

Переводчик, тот самый молодой человек с белой повязкой, указал на дверь в конце коридора.

– Там ждут.

– Господин Браун?

Юноша посмотрел на него насторожённо.

– Он назвался Брауном. Сказал, что служил с вами.

– Это неправда.

– Я не знаю, господин… – он запнулся.

Вайс избавил его от выбора.

– Вайс.

За дверью была маленькая комната с заколоченным окном. Пахло пылью, табаком и отсыревшей штукатуркой. Посреди стоял стол. За ним сидел британский лейтенант с папкой, рядом – пожилой переводчик в очках. Отто Браун стоял у стены.

Он почти не изменился.

Седина в висках стала заметнее, лицо похудело, но движения остались теми же: выверенными, экономными, будто он никогда не делал лишнего шага. На нём был серый костюм, чистая рубашка, галстук безупречно завязан. В лагере, где люди носили то, что сумели найти, эта опрятность выглядела не достоинством, а заявлением.

Браун посмотрел на Вайса – сначала на лицо, потом на портфель в его руке.

И лишь после этого улыбнулся.

– Карл.

– Господин Браун, – ответил Вайс.

– Формальности больше не нужны.

– Вы ошибаетесь. Теперь они нужны особенно.

Переводчик не успел передать фразу: Браун говорил по-английски достаточно свободно.

– Я попросил о встрече, потому что располагаю сведениями, которые могут касаться генерала Вайса и имущества покойного фельдмаршала фон Бока, – произнёс он.

Лейтенант бросил взгляд на Вайса.

– He says he knows something about the marshal's property.[2]

– Я понял, – сказал Вайс по-английски.

Лейтенант чуть приподнял брови. Видимо, до этого он считал немецкого генерала человеком, который говорит исключительно языком приказов и переводчиков.

– Then please sit down, General.[3]

Вайс сел. Портфель положил на колени.

Браун остался стоять.

– Я не знал, что вы находитесь в этом лагере, – сказал он. – Но когда услышал о портфеле, решил: будет правильно предупредить вас.

---

[2] Он говорит, что кое-что знает об имуществе маршала.

[3] Он говорит, что кое-что знает об имуществе маршала.

– О чём?

– О том, что вещи фельдмаршала могут представлять интерес не только для семьи.

– У него не было семьи, способной ими распоряжаться?

– Были родственники. Однако сейчас, как вы понимаете, понятие распоряжения несколько… расплывчато.

Вайс не ответил.

Браун едва заметно наклонил голову.

– В его доме хранились бумаги. Служебные. Неофициальные. Некоторые могли быть взяты из штабных архивов без должного оформления. В нынешних обстоятельствах это способно вызвать недоразумения.

– У кого?

– У всех.

– Это не ответ.

– Это единственный точный ответ.

Лейтенант листал папку, не вмешиваясь. Ему, вероятно, было приказано присутствовать, а не разбираться в немецких недоговорённостях.

Вайс посмотрел на Брауна.

– Вы были в доме фон Бока?

– Нет.

– Откуда вы знаете о бумагах?

– Карл, – Браун вздохнул почти дружески, – мы с вами слишком давно знакомы, чтобы изображать следователей друг перед другом. Доктор Хартман вёл записи. Он делал копии. Иногда просил документы через третьих лиц. Иногда получал их без разрешения. Многие знали об этом.

– Многие?

– Достаточно.

Слово ударило точнее, чем могло бы ударить обвинение.

Достаточно, чтобы промолчать. Достаточно, чтобы вмешаться. Достаточно, чтобы помнить.

– Если многие знали, – сказал Вайс, – почему вы пришли именно ко мне?

Браун взглянул на портфель.

– Потому что вы были одним из немногих, кому фон Бок доверял.

– Он доверял мне ровно настолько, насколько доверяют подчинённому, который умеет держать бумаги в порядке.

– В том числе.

– И вы считаете, что я должен делать?

– Ничего поспешного.

– Это всё?

– Почти. – Браун сложил руки за спиной. – Вам придётся пройти проверку. Мне тоже. У союзников нет времени читать каждый документ в его историческом контексте. Особенно русский. Особенно если им попадутся бумаги, где рядом стоят слова «Минск», «военнопленные», «реквизиции». Они увидят только то, что захотят увидеть.

– А что именно они увидят неправильно?

Браун ответил не сразу.

– Война была преступлением, Карл. Это сейчас скажут все. Даже те, кто вчера печатал речи о победе. Но люди вроде вас и меня работали внутри машины. Мы не создавали политику. Мы пытались удерживать её от хаоса.

Вайс почувствовал почти физическое отвращение – не к словам, а к их гладкости.

Он слышал эту логику прежде. В штабах. В поездах. За обеденными столами, когда кто-нибудь говорил о «трудностях на Востоке» и понижал голос перед словом «евреи», будто дело было не в людях, а в плохом тоне.

– «Удерживать от хаоса», – повторил он.

– Да.

– Вы называли так заложников в Польше?

В комнате стало тихо.

Переводчик перевёл вопрос. Британец поднял глаза от папки.

Браун не изменился в лице.

– В Польше я отвечал за безопасность тыловых коммуникаций.

– Я спросил не об этом.

– А я отвечаю точно. В условиях партизанской войны применялись меры, которые теперь будут истолкованы иначе. Но эти меры принимались по приказам сверху и в обстановке, которую вы, к счастью, не видели непосредственно.

– Я видел достаточно.

Браун улыбнулся, но теперь в улыбке не было дружелюбия.

– Вот именно этого я и боюсь.

Лейтенант наклонился к переводчику. Тот объяснил ему несколько слов. Британец постучал карандашом по папке.

– Gentlemen, – сказал он, – if there are documents related to war crimes, they must be surrendered to the authorities. That is not a matter for private negotiation.[4]

Браун тут же кивнул.

– Naturally. I am only concerned that irrelevant personal papers should not be lost or misunderstood.[5]

– Тогда вам не о чем беспокоиться, – сказал Вайс.

Браун повернулся к нему.

– Вам тоже.

Вайс поднялся.

– Разговор окончен?

Лейтенант кивнул.

Браун сделал шаг к двери, затем остановился рядом с Вайсом. Он говорил очень тихо, по-немецки, так, чтобы переводчик не разобрал.

– Не позволяйте мёртвым заставлять вас совершать глупости. Фон Бок умел перекладывать решения даже после смерти.

Вайс посмотрел на него.

– Вы пришли сюда из-за бумаг.

– Конечно.

– А я думал, вы пришли из-за людей.

Браун чуть пожал плечами.

– Люди, Карл, в конце концов всегда хотят жить. В этом я на них похож.

Он вышел.

Вайс остался у стола. Лейтенант достал новый бланк.

– General Weiss, I need to ask: do you possess any military documents not already declared?[6]

Вопрос был простым. Он требовал простого ответа.

---

[4] Господа, если есть документы, касающиеся военных преступлений, их необходимо передать властям. Это не предмет частных переговоров.

[5] Естественно. Меня беспокоит лишь то, чтобы не были утеряны или неправильно истолкованы не относящиеся к делу личные документы.

[6] Генерал Вайс, мне нужно спросить: есть ли у вас какие-либо военные документы, которые еще не были заявлены?

Вайс посмотрел на портфель.

Внутри лежали письма, фотографии, карандаши, компас. И, возможно, нечто, чего пока не было видно. Металлический ключ. Адрес. Несколько строк от мёртвого человека, который снова сумел сделать ответственность похожей на распоряжение.

– Я располагаю личными вещами покойного фельдмаршала, – сказал он. – Среди них есть служебные бумаги. Я ещё не ознакомился с их содержанием.

Лейтенант записал.

– You will declare them within twenty-four hours.[7]

– Да.

– All of them.[8]

– Все, которые обнаружу.

Британец внимательно посмотрел на него.

– That is not quite the same thing.[9]

– Нет, – согласился Вайс. – Не совсем.

Он вышел из канцелярии и остановился на крыльце.

Двор жил своей лагерной жизнью. У кухни спорили из-за хлеба. Двое детей ловили пустую консервную банку и гоняли её ногами по пыли. У ограды стояла женщина в зелёном платке; она держала за руку девочку и смотрела на дорогу так, словно ожидала там одного-единственного человека среди всех, кто мог пройти мимо.

Вайс вдруг подумал, что фон Бок никогда не стоял в такой очереди.

Он видел беженцев. Видел военнопленных. Видел людей у дорог. Он мог приказать выдать воду, изменить маршрут колонны, потребовать дисциплины от подчинённых. Но всегда оставался по другую сторону стола, карты, шлагбаума.

Теперь Вайс стоял здесь сам.

Без машины. Без адъютанта. Без права распоряжаться.

И с портфелем, который мог оказаться тяжелее любого груза, перевозимого его штабами.

Он пошёл к палатке.

У входа его ждал Гефнер.

– Он говорил с вами? – спросил тот.

– Да.

– И?

– Он боится.

Гефнер хмыкнул.

– Браун? Нет. Такие люди не боятся. Они считают страх полезной привычкой других.

– Он боится бумаг.

– Тогда сожгите их.

Вайс остановился.

– Что?

Гефнер посмотрел на портфель.

– Вы ещё не видели, что там. Не знаете, кого они потянут за собой. Вы думаете, союзники будут читать и разбираться? Они увидят печати, подписи, слова. Им нужны будут виновные. А русским – тем более.

– Вам так важно, чтобы виновных не нашли?

– Мне важно, чтобы все не оказались виновными одинаково.

– А разве это хуже, чем сделать вид, будто никто не виноват?

---

[7] Вы должны будете заявить о них в течение двадцати четырех часов.

[8] Все они.

[9] Это не совсем одно и то же.

Гефнер заговорил быстро, почти с отчаянием:

– Вы не понимаете? Я не Браун. Я не расстреливал никого. Я сидел за столом, считал вагоны, выдавал пропуска, передавал сводки. У меня была жена в Ганновере. Две дочери. Я хотел вернуться к ним.

– И вернулись?

Гефнер умолк.

– Нет.

– Почему?

– Дом разбомбили. Жена погибла. Девочек я не нашёл.

Вайс медленно опустил взгляд.

Ветер тронул брезент палатки.

– Мне жаль, – сказал он.

Гефнер коротко рассмеялся.

– Не говорите так, будто вы подписываете соболезнование.

Вайс принял удар молча.

– Я не знаю, где мои дочери, – продолжил Гефнер. – Может быть, в советской зоне. Может, среди беженцев. Может, под развалинами. И если меня запрут, потому что я когда-то не отдал Хартману ведомость, я их больше не увижу. Вот и всё.

Он отвернулся.

– Я не прошу вас спасать меня. Я прошу не отдавать мою жизнь людям, которые не знают, что с ней делать.

Вайс хотел ответить: *а те, чьи жизни вы учитывали в ведомостях, знали?*

Но не сказал.

Потому что это было бы легко.

А лёгкие слова он начал ненавидеть.

– Я не буду ничего сжигать, – произнёс он наконец.

Гефнер кивнул, словно ожидал именно этого.

– Тогда спрячьте лучше.

– Почему вы мне помогаете?

– Я не помогаю. – Он поднял глаза. – Я просто знаю: если бумаги у Брауна, они исчезнут. Если у англичан – станут папкой. Если у русских – делом. А если у вас…

– Что?

– Не знаю. Может быть, впервые кто-то их прочитает.

Он ушёл в палатку.

Вайс остался один.

До вечера он не открывал портфель.

Он носил его с собой в столовую, к медпункту, к умывальнику. Положил рядом, когда британский врач осматривал его плечо и спросил, откуда шрам. Ответил: «Осколок». Не уточнил, чей снаряд, какая дата, какая дорога.

Врач отметил что-то в карточке и сказал, что рука заживёт, если не таскать тяжёлого.

Вайс посмотрел на портфель.

– Поздний совет, – сказал он.

Ночью, когда в палатке погасили лампу и храп стал общим, почти ровным гулом, он вынул все вещи на одеяло.

Фотографию положил справа. Пенал – рядом. Компас – перед собой.

Бумаги оказались преимущественно личными: счета, короткие записки, несколько писем, давно распечатанных и вновь сложенных. Среди них – письмо от Хартмана, датированное январём сорок пятого.

Оно было адресовано фон Боку.

Вайс прочёл его при слабом свете карманного фонаря.

Господин фельдмаршал,

Вы однажды сказали мне, что долг офицера – сохранять форму даже тогда, когда рушится государство. Я не спорил, поскольку знал: Вы слышите возражения лишь тогда, когда они оформлены как служебная записка.

Теперь форма разрушена. Остаётся содержание.

Материалы, которые я собирал, неполны. В них много пробелов, потому что преступления редко оставляют полный архив. Однако в них достаточно, чтобы никто из нас не мог утверждать, будто не видел.

Второй комплект находится не у меня и не у Вас. Указание по его поиску я передал человеку, которому ещё верю. Если он не успеет – ищите в Берлине, в доме моей сестры.

Не прошу Вас о справедливости. Слишком поздно. Прошу только не дать тишине назвать себя порядком.

В. Хартман.

Вайс опустил письмо.

В палатке кто-то заговорил во сне:

– Доклад в восемь… немедленно… немедленно…

Затем голос смолк.

Вайс перевернул лист.

На обороте рукой фон Бока было написано одно предложение:

«Вайс должен знать».

Он долго смотрел на эти слова.

Потом сложил письмо, достал ключ с картонной биркой и положил рядом с компасом.

На рассвете ему предстояло попытаться выйти из лагеря.

Не как генерал.

Как человек, которому мёртвые снова передали бумаги – и оставили самому решать, что в них важнее: опасность или долг.

Глава 3. Ящик

Утро началось с дождя.

Он шёл без ветра, ровно и скупо, словно небо решило вымыть лагерь, не задаваясь вопросом, что останется после этого от людей, одежды, документов и следов на земле. Брезент палаток потемнел. В проходах сразу образовалась грязь. У кухни дым смешался с паром, и очередь за кипятком стала похожа на колонну призраков.

Вайс стоял у регистрационного барака, держа в руках карточку № 4187 и заявление на немецком языке, составленное под присмотром переводчика.

Он просил разрешения покинуть лагерь на один день.

Причина: осмотр дома покойного фельдмаршала фон Бока и передача личного имущества его родственникам либо администрации.

О документах Вайс не написал.

Он назвал это не ложью, а неполным описанием обстоятельств. Потом поймал себя на привычной уверенности, с которой прежде различал эти вещи, и вычеркнул слово «родственникам».

Осталось:

«…для установления состава имущества и предотвращения его утраты».

Фраза выглядела безупречно.

От этого она вызывала у него почти отвращение.

За столом сидел тот же молодой переводчик. Сегодня он был небрит, его белая повязка промокла и съехала к локтю. Он прочитал заявление, затем посмотрел на Вайса.

– Это вам не разрешат, – сказал он.

– Почему?

– Потому что вы интернированный бывший генерал. Потому что дом вне лагеря. Потому что имущество покойного может быть реквизировано. Выберите любую причину.

– Мне нужно поговорить с британским офицером.

– Он занят.

– Я подожду.

Переводчик вздохнул.

– Все так говорят.

– Я не все.

Юноша поднял на него глаза.

– Именно это и говорят все.

Вайс чуть помедлил, затем кивнул. Никакой дерзости в ответе не было; лишь усталость человека, который с утра уже выслушал десяток одинаковых просьб.

Он отошёл к стене и стал ждать.

У входа в барак лежали две доски, переброшенные через лужу. По ним проходили люди с карточками, папками, кастрюлями. Рядом сидела старуха в мужском пальто и держала на коленях клетку с курицей. Курица выглядела более уверенной в будущем, чем её хозяйка.

Через сорок минут к крыльцу подъехал открытый джип. Из него вышел лейтенант, с которым Вайс разговаривал накануне. В руках у него был термос, на лице – выражение человека, чьё утро уже испортили доклады.

Переводчик быстро поднялся.

– Lieutenant Harris, General Weiss requests travel permission.[10]

[10] Лейтенант Харрис, генерал Вайс запрашивает разрешение на поездку.

Харрис посмотрел на Вайса.

– Again?[11]

– Да, – сказал Вайс по-английски. – Мне необходимо осмотреть дом фон Бока. Там могут находиться личные вещи и бумаги, которые требуют учёта.

– Papers?[12]

– Личные и служебные.

– You were told to declare service documents.[13]

– Я их ещё не видел.

– But you expect to find them.[14]

– Да.

Харрис снял мокрую фуражку, провёл ладонью по волосам. Ему явно хотелось сказать: *тогда тем более вы никуда не поедете*. Вместо этого он спросил:

– Is the house occupied?[15]

– Не знаю.

– Is it damaged?[16]

– Не знаю.

– Is there anyone else who can identify the property?[17]

– Бывший управляющий. Густав Мельник. Он находится в гражданском секторе.

Харрис посмотрел на переводчика.

– Find this man.[18]

Мельника привели через четверть часа. Он был в том же старом пальто, только теперь на воротнике блестели капли дождя. Увидев Вайса, старик выпрямился.

– Господин генерал.

– Я прошу разрешения осмотреть дом, – сказал Вайс. – Вы поедете со мной, если позволят.

Мельник взглянул на британского лейтенанта, затем снова на Вайса.

– Конечно.

Харрис выслушал перевод и несколько секунд думал. Потом открыл термос, налил себе кофе в крышку, сделал глоток и поморщился.

– One vehicle. One guard. You return before dark. No weapons. No removal of military documents without declaration.[19]

Он посмотрел прямо на Вайса.

– If you find documents, you seal them. You bring them back. Understood?[20]

– Understood.[21]

– And General–[22]

Вайс остановился.

---

[11] Снова?

[12] Документы?

[13] Вам было поручено задекларировать документы, подтверждающие прохождение службы.

[14] Но вы ожидаете их найти.

[15] Дом занят?

[16] Он поврежден?

[17] Есть ли кто-нибудь еще, кто может опознать это здание?

[18] Найдите этого человека.

[19] Один автомобиль. Один охранник. Вы должны вернуться до наступления темноты. Оружие запрещено. Военные документы не выносятся без заявления.

[20] Если вы найдёте документы, вы их запечатываете. Вы возвращаете их. Понятно?

[21] Понятно

[22] И генерал –

– You do not decide which papers matter. Not anymore.[23]

Слова были произнесены ровно, без угрозы. От этого они прозвучали ещё жёстче.

– Да, – сказал Вайс.

Но уже выходя из барака, он подумал: *а кто решает?*

Человек с печатью? Человек с винтовкой? Тот, кто первым забрал папку? Тот, кому документы окажутся полезны?

Или тот, чьё имя в них было записано перед смертью?

Джипом управлял британский рядовой по фамилии Миллер. Его сопровождал сержант Хоук – коренастый мужчина с красным лицом и привычкой держать винтовку так, словно она была частью руки. Сзади, тесно прижав к себе портфель, сидел Вайс. Рядом с ним – Мельник.

Дорога шла через деревни, где дома стояли то целыми, то без крыш, то вовсе исчезали, оставляя после себя прямоугольники тёмной земли. На обочинах лежали брошенные телеги, колёса, детская коляска без одного колеса, ржавый велосипед. У перекрёстков висели британские указатели. Старые немецкие таблички с названиями улиц были сбиты или закрашены.

Несколько раз им попадались группы беженцев.

Женщины толкали тележки. Старики шли, опираясь на палки. Дети сидели на узлах и смотрели на проезжавший джип без любопытства. Война научила их: машины никогда не привозят хорошего, а если иногда и привозят хлеб – всё равно сначала нужно ждать, пока взрослые решат, кому можно подойти.

Мельник молчал почти всю дорогу.

Лишь когда они свернули на знакомую аллею, он тихо сказал:

– Господин фельдмаршал хотел уехать за два дня до того.

Вайс повернул голову.

– Куда?

– В Данию, кажется. Или к родственникам на севере. Я не спрашивал. Он уже почти не говорил о планах. Только смотрел на карту.

– Какую карту?

– Обычную дорожную. Я видел её в машине.

Вайс вспомнил слова из газетных листков, слухи, обрывки чужих рассказов: нападение с воздуха, дорога, разбитый автомобиль, тело, которое сначала не могли опознать. О войне всегда знают много подробностей те, кто не был рядом, и почти ничего – те, кто мог бы сказать правду.

– Он что-нибудь оставил для меня, кроме портфеля?

Мельник посмотрел на него с виноватым выражением.

– Не знаю. Он в последние дни часто спрашивал, не приходило ли от вас письмо.

– Я не писал.

– Я знаю. Но он всё равно спрашивал.

Джип остановился перед воротами.

Усадьба стояла на возвышении, среди мокрых буков. Когда-то дом выглядел строгим и спокойным: кирпичный фасад, высокие окна, крыша с узкими слуховыми окнами. Теперь одно крыло было повреждено. В стекле темнели пустые глазницы. На подъездной дорожке лежали ветви, сорванные недавним ветром.

Вайс увидел следы гусениц у ворот.

– Здесь были войска?

– Несколько дней назад, – ответил Мельник. – Британцы проверяли дом. Ничего не взяли, насколько я видел. Или взяли то, что было на виду.

---

[23] Вы не решаете, какие документы важны. Больше нет.

Сержант Хоук слез с переднего сиденья.

– Two hours, – сказал он. – I stay outside. Door open.[24]

Переводчик не требовался: жест был понятен.

Они вошли.

Внутри пахло холодом, мокрым деревом и золой. В коридоре на стенах висели картины – несколько были сняты, оставив прямоугольники светлее общей потемневшей штукатурки. На полу валялись книги. Кто-то искал ценности не спеша, методично: выдвигал ящики, переворачивал матрасы, вскрывал шкафы.

Но не всё было разграблено.

В кабинете фон Бока сохранился большой письменный стол. На нём стояла зелёная лампа с разбитым плафоном, чернильница и стопка чистой бумаги. Вайс задержался на пороге.

Он слишком хорошо помнил этот порядок.

Фон Бок сидит у карты, ладонь лежит на линейке. Адъютант ждёт, не дыша. Кто-то докладывает о положении армии, о погоде, о нехватке горючего. Фельдмаршал слушает, поднимает голову, произносит несколько слов – негромко, без жестов. И люди вокруг начинают двигаться, потому что решение принято.

Теперь на карте стола лежал слой пыли.

Мельник прошёл к книжному шкафу.

– Ящик был не здесь.

– Где?

– В старой кладовой. Господин фельдмаршал велел перенести его туда зимой. Сказал, что в кабинете слишком заметно.

– Что именно он сказал?

Мельник помял шляпу.

– «Густав, если будут спрашивать, скажете: это бумаги моей жены». Я ответил, что у госпожи фон Бок… – он запнулся. – Что у неё давно нет бумаг. Он посмотрел на меня и сказал: «Тем лучше. Мёртвым редко возражают».

Вайс ничего не сказал.

Они спустились в подвальное помещение. Узкий коридор освещал серый свет из маленьких окон под потолком. Вдоль стен стояли банки, пустые ящики, несколько бутылок вина. В дальнем углу была кладовая с тяжёлой дверью.

Мельник достал связку ключей.

Первый не подошёл. Второй повернулся, но дверь не открылась. Третий сломался в замке.

Старик побледнел.

– Простите. Я…

– Отойдите, – сказал Вайс.

Он взялся за ручку, нажал плечом.

Боль отдалась в старой ране, но дверь дрогнула. Сержант Хоук, услышав шум, появился внизу лестницы.

– Problem?[25]

Вайс указал на дверь.

– Locked.[26]

Сержант хмыкнул, достал из-за пояса короткий ломик и одним движением выбил прогнившую часть косяка.

Дверь открылась.

---

[24] Два часа, Я остаюсь снаружи. Дверь открыта.

[25] Проблема?

[26] Заблокировано.

Внутри было почти пусто.

Два сундука. Несколько коробок. Свёрнутый ковёр. На полках – старые банки, ненужная посуда, связки газет. В дальнем углу стоял металлический ящик – невысокий, армейский, серо-зелёный, с двумя замками.

Вайс сразу понял: он.

На крышке были следы пыли, но поверх пыли – свежие отпечатки пальцев.

Кто-то уже трогал ящик.

Он присел, провёл рукой по металлу.

– Вы знали, что он здесь? – спросил он Мельника.

– Да.

– Кто ещё?

– Никто.

– Подумайте.

– Никто, господин генерал.

– Вы кому-нибудь говорили?

Мельник поднял на него глаза.

– Я старый человек. Я не безгрешен. Но я не продавал мёртвых.

Сержант Хоук стоял у двери, не понимая слов, но понимая тон. Он шагнул ближе.

– Open it.[27]

Вайс достал ключ из кармана.

Ключ подошёл к первому замку.

Щелчок прозвучал громче, чем должен был.

Второй замок открылся так же легко.

Вайс поднял крышку.

Внутри лежали папки.

Ни драгоценностей. Ни оружия. Ни золота.

Бумаги.

Они были перевязаны бечёвкой, уложены в три ряда. На некоторых стояли даты: 1941, 1942, 1943. На других – только карандашные пометки рукой Хартмана: «копия», «сверить», «свидетель», «неполно».

Сержант присвистнул.

– Bloody Germans and paper.[28]

Вайс не перевёл.

Он взял верхнюю папку.

На обложке было напечатано:

«Положение военнопленных. Район Минска. Служебно. 1941».

Под обложкой лежала копия донесения. В верхнем правом углу – штамп штаба. Ниже – несколько резолюций. Одна была написана карандашом рукой Хартмана:

«Смертность не является следствием эпидемии в обычном смысле. Причины: питание, вода, отсутствие укрытий, перегрузка».

Вайс перевернул страницу.

На второй стояла подпись.

Его подпись.

Не под приказом о расстреле. Не под распоряжением морить людей голодом. Под резолюцией о перераспределении транспортных средств.

---

[27] Откройте его.

[28] Кровавые немцы и бумага.

Автотранспорт не выделять: приоритет – оперативные перевозки. Санитарному отделу изыскать местные возможности.

Карл Вайс прочитал эти слова дважды.

Он помнил документ.

Осень сорок первого. Под Смоленском требовались машины. Дороги тонули в грязи, дивизии ждали боеприпасы, горючее, зимнее обмундирование. С санитарным отделом спорили о грузовиках. Ему принесли папку. Он поставил подпись, не поднимая головы, потому что за ней лежали ещё двадцать таких же.

Изыскать местные возможности.

Это означало: не будет машин.

Это означало: люди останутся там, где уже умирали.

– Господин генерал? – тихо позвал Мельник.

Вайс не ответил.

Он взял следующую папку.

Там были письма, докладные записки, копии приказов. Бумага разной плотности, разные шрифты, подписи, печати. Многие документы были обрывочны: один лист без приложения, приложение без основного текста, сводка без последующей резолюции.

Но в них уже было достаточно.

Не всё.

Достаточно.

– These documents come with us,[29] – сказал сержант.

Вайс закрыл папку.

– Да.

Он услышал за спиной тихий скрип.

Мельник стоял у двери кладовой, бледный и неподвижный.

Вайс обернулся.

– Что?

Старик смотрел не на него.

На лестницу.

Там, в сером прямоугольнике света, кто-то стоял.

Сержант мгновенно поднял винтовку.

– Halt![30]

Человек на лестнице отступил. Послышались быстрые шаги, хлопнула входная дверь наверху.

Сержант бросился следом.

Вайс поднялся, забыв о боли в плече. Он выбежал из кладовой, взлетел по ступеням. В коридоре уже гремели сапоги Хоука. Снаружи завёлся двигатель.

Чёрный легковой автомобиль рванул с подъездной дорожки, разбрасывая грязь.

Вайс успел увидеть лишь его заднее стекло и силуэт человека на заднем сиденье.

Но этого оказалось достаточно.

Отто Браун не пришёл бы сам, чтобы попрощаться с чужими бумагами.

Он пришёл убедиться, что они ещё лежат там.

---

[29] Эти документы предоставляются нам.

[30] Остановиться!

Глава 4. Никто ничего не знал

К полудню дождь кончился, но усадьба всё ещё выглядела промокшей до фундамента.

Сержант Хоук вернулся злой, в грязи по колено. Он успел добежать до ворот и даже выстрелить в воздух, однако машина уже скрылась за поворотом. На дороге остались глубокие следы шин, быстро наполнявшиеся водой.

– No plates, – сказал он. – Clever.[31]

Вайс смотрел на следы.

– Или подготовлено заранее.

Хоук посмотрел на него.

– You know who it was?[32]

– Я знаю, кто мог быть.

– Name.[33]

Вайс помедлил.

Слова лейтенанта Харриса всё ещё звучали в нём: *Вы больше не решаете, какие бумаги важны.*

Но назвать Брауна сейчас означало не просто дать информацию. Это означало запустить механизм, которого Вайс не знал и которому не доверял. Браун исчезнет в проверках? Его задержат? Или предупредят неосторожным вопросом, дадут время уничтожить остальное?

И всё же молчание не делалось менее похожим на молчание лишь потому, что имелись причины бояться.

– Отто Браун, – сказал он. – Бывший капитан. Служил в оккупационной администрации. Сейчас находится в лагере или числится при нём. Номер регистрации – 3112.

Хоук повторил фамилию с английским ударением, достал блокнот.

– What does he want?[34]

Вайс посмотрел на открытый ящик в подвале.

– Чтобы эти документы исчезли.

Сержант коротко кивнул. Не как человеку, который понял всю историю, – как человеку, получившему ясную практическую задачу.

– Then we find him.[35]

Бумаги погрузили в джип в присутствии Хоука и Мельника.

Сержант велел Вайсу не прикасаться к папкам. Он сам брал их, небрежно, двумя пальцами, словно переносил старые школьные тетради. Вайс смотрел, как папки исчезают в ящике из-под боеприпасов, и чувствовал странную беспомощность.

Ему хотелось остановить сержанта и объяснить: эту папку нельзя класть вниз, там отсырели края; у той – отдельный лист, не потеряйте; в третьей может быть не то, чем она кажется.

Но объяснять означало признать, что он уже читает архив не как имущество мёртвого человека, а как нечто, над чем имеет обязанность.

Он не сказал ничего.

---

[31] Никаких тарелок, - Умный.

[32] Вы знаете, кто это был?

[33] Имя

[34] Чего он хочет?

[35] Затем мы его находим.

Перед отъездом Мельник задержался в кабинете фон Бока. Вайс нашёл его у письменного стола. Старик стоял, положив ладонь на спинку кресла.

– Вам нужно забрать личные вещи, – сказал Вайс. – Если есть что забрать.

– Здесь почти ничего моего.

– Тогда тем более.

Мельник кивнул, но не двинулся.

– Он любил этот стол, – произнёс он. – Говорил, хороший стол не спорит. Не перебивает. Только держит то, что на него положили.

– И что вы об этом думаете?

Старик погладил пальцами потёртое дерево.

– Хороший стол ни в чём не виноват. Но иногда я думал: если бы он мог говорить, то кричал бы.

Вайс не стал отвечать.

В коридоре хлопнула дверь. Хоук крикнул, что пора ехать.

Они вышли.

На подъездной дорожке Мельник вдруг остановился и повернулся к дому.

– Господин генерал.

– Да?

– Я видел там ещё кое-что. Не в ящике.

– Где?

– В библиотеке, за третьей полкой справа. Господин фельдмаршал однажды велел мне принести ему книгу. «История прусской армии». Она оказалась пустой внутри. Я не спрашивал.

– Почему не сказали раньше?

– Потому что раньше я думал: может быть, не надо.

– А теперь?

Мельник посмотрел на машину с бумагами.

– Теперь, кажется, уже поздно для таких мыслей.

Вайс вернулся в дом один.

Книги стояли в библиотеке плотными рядами, как строй, который никогда не разбежится. Пыль лежала на корешках. «Кампании Фридриха», «Военная история Европы», «Очерки стратегии». Он нашёл третий ряд справа, вытащил тяжёлый том.

Внутри действительно была вырезана пустота.

Там лежал маленький конверт и сложенный вчетверо лист.

На конверте значилось:

«К. Вайсу. После моей смерти».

Вайс вскрыл его.

Письмо было написано тем же почерком, что записка в портфеле, но, судя по дате, значительно раньше – в октябре 1944 года.

Карл,

Ты назвал моё молчание выбором. Я возразил, что молчание иногда есть единственная оставшаяся форма несогласия.

Это было неправдой. Молчание – удобная форма согласия для человека, который хочет сохранить уважение к самому себе.

Я пишу это не потому, что стал храбрее. Напротив: потому, что уже не могу ничего изменить.

Хартман оставил бумаги. В них будут и мои распоряжения, и твои резолюции, и слова людей, которые пытались назвать происходящее тем, чем оно было. Не думай, что передача этих материалов сделает тебя лучше меня. Она лишь не даст тебе стать мной окончательно.

Ф. Б.

Вайс прочёл письмо до конца, затем ещё раз – медленнее.

На последней строке не было подписи полностью: только две буквы.

Ф. Б.

Как отметка на карте.

Как сокращение, которое должно было сберечь место и время.

Он сложил лист, сунул его во внутренний карман и вернулся к джипу.

Хоук ждал, сидя за рулём рядом с Миллером.

– Find anything else?[36]

– Личное письмо.

– Show it.[37]

Вайс передал конверт.

Сержант осмотрел его, вынул лист, прочитал первые строки, ничего не понял и вернул.

– German.[38]

– Да.

– Declare it too.[39]

– Разумеется.

Слово прозвучало почти насмешкой.

К вечеру они вернулись в лагерь.

У ворот уже стоял грузовик военной полиции. Возле канцелярии суетились солдаты. Вайс увидел, как двоих мужчин выводят из здания. Один был в полевой куртке, другой – в костюме. На лицах обоих застыло одинаковое выражение: оскорблённое недоумение.

Ни один не был Брауном.

Харрис встретил Вайса в коридоре.

– We looked for Braun. He is gone.[40]

– Когда?

– Sometime this morning. His registration card was found in a rubbish barrel.[41]

– Значит, он был не интернированным?

– Or somebody helped him leave.[42]

Вайс ничего не сказал.

Харрис отвёл его в комнату, где стояли ящики с бумагами. На каждом был приклеен лист с номером. Британский сержант за столом составлял опись.

– We will inventory the documents tonight, – сказал лейтенант. – You may be present as a German reader. Tomorrow they go to district headquarters.[43]

– Нет.

Харрис медленно повернул голову.

– No?

---

[36] Найти что-нибудь еще?

[37] Покажите.

[38] немецкий

[39] Объявите об этом тоже.

[40] Мы искали Брауна. Он пропал.

[41] Сегодня утром его регистрационное удостоверение нашли в мусорном ведре.

[42] Или кто-то помог ему уйти.

[43] Мы проведем опись документов сегодня вечером, — Вы можете присутствовать в качестве немецкого читателя. Завтра они отправятся в районный центр

– Эти материалы нужно копировать. Они относятся к нескольким ведомствам, к разным территориям, к разным людям. Если всё уйдёт в один архив, часть может исчезнуть или оказаться вырванной из контекста.

– You are in no position to set procedures.[44]

– Я понимаю.

– Do you?

– Да.

Харрис сел на край стола.

– General, I have spent three weeks registering people who swear they knew nothing. They all have reasons. They all say documents are complicated. They all warn me that someone else will misunderstand them. I do not have the luxury of trusting any of you.[45]

Вайс посмотрел на ящики.

– Вам и не нужно мне доверять.

– Then give me one reason not to send you back to the compound and keep these papers under guard.[46]

– Потому что я могу прочесть их. Потому что я знаю, какие сокращения использовались, какие подписи подделывались, какие отделы перекладывали ответственность друг на друга. Потому что среди этих бумаг будут не только преступления других людей.

Харрис прищурился.

– Yours?[47]

– Да.

В комнате стало тихо.

Сержант за столом перестал печатать.

Харрис не сразу ответил.

– That may be the first useful thing you have said.[48]

– Я стараюсь начать поздно, но точно.

Лейтенант посмотрел на него с усталым раздражением.

– Don’t make it sound noble.[49]

– Я и не пытаюсь.

Харрис встал.

– You help inventory. Under guard. You do not touch a document unless asked. You translate exactly. No summaries. No omissions.[50]

– Да.

– And Weiss–

– Да?

– If I catch you hiding anything, I will assume every word you told me is a lie.[51]

Вайс кивнул.

– Справедливо.

---

[44] Вы не в состоянии устанавливать процедуры.

[45] Генерал, я потратил три недели на регистрацию людей, которые клянутся, что ничего не знали. У всех у них есть свои причины. Все они говорят, что документы сложные. Все они предупреждают меня, что кто-то другой их неправильно поймет. Я не могу позволить себе доверять никому из вас.

[46] Тогда назовите мне хотя бы одну причину, по которой я не должен отправлять вас обратно в лагерь и держать эти бумаги под охраной.

[47] Ваши?

[48] Возможно, это первое полезное замечание с вашей стороны.

[49] Не стоит преподносить это в благородном свете.

[50] Вы помогаете с инвентаризацией. Под охраной. Вы не прикасаетесь к документам, если вас об этом не попросят. Вы переводите дословно. Никаких резюме. Никаких пропусков.

[51] Если я поймаю вас на том, что вы что-то скрываете, я буду считать каждое ваше слово ложью.

Он сказал это и тут же понял: слово «справедливо» в его устах стало почти неприличным.

Опись продолжалась до глубокой ночи.

Бумаги раскладывали по столам. Англичане не знали немецких военных сокращений; Вайс переводил заголовки, даты, названия отделов. Иногда Харрис просил объяснить выражение. Иногда Вайс отвечал коротко. Иногда – не мог.

– *Sonderbehandlung*, – прочитал сержант. – What does that mean?[52]

Вайс посмотрел на строку.

Это слово он видел сотни раз. В разные годы, в разных папках. В одной бумаге оно могло означать особый порядок размещения. В другой – перевод. В третьей – смерть, тщательно укрытую административным словарём.

– Буквально: «особое обращение», – сказал он.

– And actually?[53]

Вайс поднял глаза.

– Зависит от документа.

– I am asking about this document.[54]

Он прочёл абзац целиком. Район, дата, количество людей, передача из ведения полиции в распоряжение специальной команды. Ниже – отметка об исполнении. Никаких подробностей.

Но подробности были не нужны.

– В этом документе, – сказал Вайс, – это означает убийство.

Сержант медленно положил лист на стол.

Харрис ничего не сказал. Лишь провёл рукой по лицу.

Вайс продолжил работу.

К полуночи он нашёл папку с пометкой Хартмана: **«Переписка. Не завершено».**

Внутри лежала копия служебной записки, адресованной начальнику тылового управления. Речь шла о реквизиции продовольствия в Смоленской области. На полях стояли две резолюции.

Первая – карандашом:

«Немедленно уточнить пределы изъятия. Гражданское население лишается минимальных запасов».

Подпись: В. Хартман.

Вторая – чернилами, ниже:

«Вопрос продовольственного обеспечения населения не относится к задачам оперативного отдела. Передать по принадлежности».

Подпись: К. Вайс.

Он смотрел на свою подпись так долго, что Харрис заметил.

– What is it?[55]

Вайс не ответил сразу.

– Моё распоряжение.

– What does it say?

Он перевёл дословно.

Харрис выслушал и спросил:

---

[52] Что это значит?

[53] А на самом деле?

[54] Я спрашиваю об этом документе.

[55] - Что это такое?

– Did you know what would happen?[56]

Вайс почувствовал, как в памяти поднимается тот день. Кабинет. Телефон. Карта. Дождь за окном. Разговоры о железнодорожных эшелонах. Докладная, которую он отодвинул, потому что это был не его отдел, не его прямой приказ, не его немедленная задача.

Он помнил достаточно, чтобы знать: люди останутся без еды.

Он помнил недостаточно, чтобы назвать потом конкретное число.

– Я знал, что им будет хуже, – сказал он. – И решил, что это не моя работа.

Харрис записал что-то в блокнот.

– Put that in the record.[57]

– Да.

– In German. Sign it.[58]

Вайс сел за стол.

Ему дали чистый лист.

Он взял ручку. Чернила сначала не шли. Он потряс перо, и на бумагу упала густая чёрная капля.

Когда-то он умел подписывать быстро. Фамилия ложилась на страницу одним движением: чётко, без колебаний, как часть должности.

Теперь он написал медленно:

«Я, Карл Вайс, подтверждаю…»

И впервые за долгие годы подпись не закрывала вопрос.

Она его открывала.

[56] — Вы знали, что произойдет?

[57] — Запишите это в протокол.

[58] — На немецком языке. Подпишитесь.

Глава 5. Письмо, которое не дошло

Утром дверь комнаты для описи была заперта снаружи.

Вайс понял это не сразу. Он проснулся на узкой армейской койке у стены, где ему позволили остаться после ночной работы, увидел полоску света под дверью и машинально потянулся к портфелю. Тот стоял на табурете, в пределах досягаемости. Компас лежал внутри, письмо фон Бока – во внутреннем кармане пальто.

Бумаги Хартмана находились в соседнем помещении, под печатью британской администрации.

Теперь это были не его бумаги.

Вернее, они никогда не были его.

Он сел, осторожно разминая левое плечо. За стеной кто-то говорил по-английски. Потом хлопнула папка, скрипнул стул. Снаружи, во дворе, завёлся грузовик.

Через несколько минут вошёл Харрис.

Он был без кителя, в закатанных до локтей рукавах рубашки. В руках держал две кружки. Одну поставил перед Вайсом.

– Tea, – сказал он. – Don’t thank me. It is terrible.[59]

Вайс взял кружку. Чай был тёплым, мутным и пах жестью.

– Вы не спали? – спросил он.

– Спал два часа. Роскошь.

Харрис сел напротив.

На этот раз между ними не было стола, заваленного папками. Только две кружки, пустая тарелка и портфель фон Бока, который Вайс не выпускал из виду.

– Я запросил штаб округа, – сказал лейтенант. – Они заберут часть материалов сегодня или завтра. До этого вы продолжите помогать с каталогом.

– А Браун?

– Его ищут. На дорогах выставили посты. Его имя передано в соседние пункты регистрации.

– Он мог уехать раньше.

– Мог.

– У него могли быть документы на другое имя.

Харрис посмотрел на него.

– У вас есть основание так думать?

– У таких людей всегда есть запасное имя.

– «Таких»?

Вайс поставил кружку.

– Людей, которые заранее знают, что им придётся объяснять прошлое.

Харрис чуть наклонил голову.

– Вы тоже заранее это знали?

– Нет. Я слишком долго думал, что прошлое можно объяснить службой.

Харрис не ответил. Он достал из папки несколько листов.

– Мы нашли кое-что ещё в портфеле.

– Я просмотрел почти всё.

– Не всё.

Лейтенант положил перед Вайсом конверт.

---

[59] — Чай, — Не благодарите меня. Он ужасен.

Тот был плотным, кремовым, с синей полосой по краю. На нём стоял штамп полевой почты и несколько отметок, сделанных карандашом. Адрес был написан рукой фон Бока:

Генерал-майору Карлу Вайсу.

Через штаб резервного управления. Берлин.

Внизу, почти неразборчиво:

Не вручено. Возвращено отправителю.

Вайс не притронулся к конверту.

– Где вы его нашли?

– В боковом шве портфеля. Один из сержантов заметил, что подкладка распарывалась. Внутри лежали письмо и копия справки о том, что оно не доставлено.

– Почему не доставлено?

– Вы мне скажите.

Вайс взял конверт.

Он узнал дату: август 1944 года. Через несколько недель после покушения 20 июля. В то время Берлин жил в лихорадке арестов, слухов, внезапных переводов и исчезающих фамилий. Он сам тогда ещё числился при резервном управлении, хотя его кабинет перемещали дважды, а телефон почти не умолкал.

Он не помнил этого письма.

Вернее, не помнил, чтобы его видел.

Но помнил, как однажды адъютант положил перед ним стопку возвращённой корреспонденции. В тот день он отложил её до вечера. Вечера не случилось: налёт, пожар, приказ о переводе. Бумаги исчезли в чьём-то ящике, затем в другом.

Война умела похищать письма не хуже, чем людей.

– Откройте, – сказал Харрис.

Вайс сломал печать.

Внутри было четыре страницы.

Почерк фон Бока был ровнее, чем в последних записках. Письмо написано до окончательного краха – тогда, когда автор ещё мог надеяться, что слова останутся частным разговором двух офицеров.

Карл.

Я не знаю, где ты теперь и получишь ли это письмо. С некоторых пор письма стали менее надёжны, чем слухи, а слухи – опаснее приказов.

Ты был прав в одном: человек не избавляется от ответственности тем, что называет своё бездействие верностью присяге или заботой о подчинённых. Я говорил тебе, что офицер не должен путать личное возмущение с государственным решением. Теперь вижу: эта мысль годилась лишь до тех пор, пока можно было делать вид, будто государство ещё имеет право требовать повиновения.

Не переоценивай это признание. Я не совершил того, чего ты от меня требовал. Я не выступил. Не ушёл. Не сделал ничего, что стоило бы мне положения раньше, чем положение перестало чего-либо стоить.

Хартман оставил у меня часть своих материалов. Он полагает, что документы способны пережить людей. Возможно. Но документы не говорят сами. Их всегда заставляют говорить те, кто остаётся.

Если когда-нибудь тебе придётся выбирать между спокойствием и правдой, не называй спокойствие порядком. Я слишком долго это делал.

Федор фон Бок.

Подписи не было. Только имя, написанное полностью.

Вайс дочитал и сложил страницы.

Он ожидал чего-то другого. Может быть, привычной сухости. Может быть, скрытого приказа. Может быть, очередной попытки назвать собственную нерешительность трагической мудростью старого солдата.

Но письмо не оправдывало фон Бока.

Оно лишь подтверждало то, что Вайс уже знал: человек может увидеть свою трусость и всё равно не перестать быть трусом.

– Что он пишет? – спросил Харрис.

Вайс перевёл.

Не каждое слово. Сначала – смысл. Потом, по просьбе лейтенанта, медленнее и дословно. Когда он закончил, Харрис долго сидел молча.

– He knew,[60] – произнёс он наконец.

– Да.

– And he did nothing.[61]

– Он делал отдельные вещи. Иногда пытался остановить конкретный приказ. Иногда требовал расследования. Иногда помогал людям там, где считал это возможным.

– Is that your defence of him?[62]

Вайс поднял голову.

– Нет.

– Good.

Харрис откинулся на спинку стула.

– Знаете, генерал, у нас в армии есть один очень удобный способ не видеть человека. Мы называем его «общими потерями». Или «сопутствующим ущербом». Разные слова, одна привычка. Но здесь… – он кивнул на стену, за которой лежали папки Хартмана, – здесь мне кажется, вы построили из привычки целое государство.

– Да, – сказал Вайс.

Это был единственный ответ, который не звучал ложью.

Харрис поднялся.

– Вас ждут через десять минут.

– Кто?

– Женщина. Утверждает, что работала у доктора Хартмана и знает о второй части архива.

Вайс почувствовал, как пальцы сами сжались на письме.

– Имя?

– Фрау Марта Хартман. Его сестра.

– Она здесь?

– В гражданском секторе. Приехала утром с колонной из Гамбурга.

Харрис сделал шаг к двери, затем обернулся.

– И, генерал…

– Да?

– Теперь у вас есть причина не ждать до вечера.

Фрау Марта Хартман оказалась невысокой женщиной лет шестидесяти с очень прямой спиной и старомодной шляпой, которая выглядела почти вызывающе среди мокрых пальто, армейских одеял и грязных сапог.

Её привели в маленькую комнату для бесед. Она села, не снимая перчаток. На коленях держала потрёпанную сумку. Вайс видел такие сумки у женщин на вокзалах: в них помещалась

[60] — Он знал

[61] — И он ничего не сделал.

[62] — Это в его защиту?

не только жизнь, но и её жалкие доказательства – карточки, фотографии, письма, ложка, ключи от дома, которого уже не было.

Она посмотрела на Вайса и сразу сказала:

– Вы постарели.

– Вы тоже, фрау Хартман.

– Это не замечание, генерал. Это обстоятельство.

Она говорила ровно, но без мягкости.

Харрис остался у двери вместе с переводчиком. Вайс сел напротив.

– Я сожалею о смерти вашего брата.

– Не нужно. Вы не были его убийцей.

После короткой паузы она добавила:

– Во всяком случае, не в том простом смысле, который люди предпочитают слову «убийца».

Вайс кивнул.

– Вы сказали, что знаете о второй части архива.

– Я знаю, где Вильгельм предполагал её оставить. Это не одно и то же.

– Он писал, что передал указание человеку, которому ещё доверяет.

Марта Хартман усмехнулась.

– У Вильгельма всегда была странная привычка доверять людям с оговорками. Вероятно, поэтому он и стал юристом.

Она открыла сумку и достала старую записную книжку в чёрном переплёте.

– В феврале он пришёл ко мне ночью. Был болен, промок, зол и, как всегда, уверен, что все вокруг делают недостаточно. Он оставил мне это.

Она положила книжку на стол.

На первой странице рукой Хартмана было записано:

«Не передавать никому одному. Особенно тому, кто обещает порядок».

Вайс прочёл и почувствовал, как в памяти отозвалось письмо фон Бока.

– Где документы? – спросил он.

– Часть – в Берлине. В доме, где я жила до бомбёжек. Часть, возможно, погибла. Вильгельм устроил тайник в бывшем архивном помещении одного ведомства. Он считал, что там искать будут последними: слишком много людей уверены, что архивы существуют лишь затем, чтобы в них теряться.

– Адрес?

– Я дам его не вам.

Вайс поднял взгляд.

– Почему?

– Потому что вы пока не решили, кто вы в этой истории.

– Я не уверен, что это решается один раз.

– Тем хуже для вас.

Она посмотрела на Харриса.

– Я передам адрес британской администрации. Но прежде хочу знать: этот человек действительно перевёл им бумаги? Все бумаги?

Вайс ответил сам:

– Не все. Часть я ещё не нашёл.

– Я спрашивала не об этом.

Он понял.

– Да, – сказал он. – Я перевёл документы, которые были в ящике. В том числе те, где есть мои подписи.

Марта Хартман долго смотрела на него.

– И каково это?

– Поздно.

– Поздно – не чувство, генерал. Это срок.

Она закрыла записную книжку.

– Мой брат говорил, что вы умеете слушать, когда вам не нравится услышанное. Я считала это почти похвалой. Теперь не уверена.

– Он был прав лишь наполовину.

– Половина – много, если речь о хлебе. Мало, если речь о совести.

Харрис кашлянул. Видимо, разговор выходил за пределы его терпения, хотя переводчик передавал ему далеко не всё.

Марта встала.

– В архиве есть список. Не военный. Там дети из Смоленска, угнанные на работы, умершие, пропавшие. Его вела учительница. Анна Ларионова.

Вайс не пошевелился.

Имя не звучало в его жизни несколько лет. Но стоило его услышать – и вернулся холодный кабинет комендатуры, осенняя грязь на сапогах у двери, тонкие руки женщины, лежавшие на столе так спокойно, будто спокойствие могло защитить.

У вас есть родственники в Красной армии?

Где ваш брат?

Кто из учителей помогает партизанам?

Он помнил вопросы.

Ответы – хуже.

– Вы знаете её? – спросила Марта.

– Да.

– Тогда вы поймёте, почему Вильгельм считал этот список важнее половины своих служебных заключений.

Вайс медленно кивнул.

– Она жива?

– Не знаю. Последняя отметка – сорок третий год. Потом след теряется.

Марта надела сумку на плечо.

– Найдите документы, генерал Вайс. А потом найдите её, если сможете.

– Почему я?

Она задержалась у двери.

– Потому что вы уже знаете: иногда человек обязан вернуться туда, откуда предпочёл бы исчезнуть.

Она вышла.

На столе осталась чёрная записная книжка.

Вайс открыл её.

Между страницами лежал маленький сложенный листок. Он развернул его.

Это была схема Берлина – несколько улиц, пересечение, условный знак в виде креста и подпись:

«Там, где бумаги пережили стены».

Ниже – дата.

Апрель 1945 года.

И ещё одна строка, выведенная торопливой рукой Хартмана:

«Если Браун ещё жив, он будет искать раньше вас».

Глава 6. Список на полях

Лейтенант Харрис распорядился, чтобы записную книжку Хартмана внесли в опись немедленно.

Сержант, ведший журнал, взял её двумя пальцами, как улику, которой она уже стала, и спросил:

– Personal effects or documents?[63]

Харрис посмотрел на Вайса.

– Documents.

– Military?

– No, – ответил Вайс. – Хуже. Человеческие.

Сержант ничего не понял, но записал номер.

Книжку положили в картонную коробку рядом с письмами, служебными записками и фотокопиями распоряжений. На коробке вывели крупно: **В-17**. Затем сержант обвязал её бечёвкой и поставил красную печать.

Вайс смотрел на это с чувством почти физического сопротивления.

Ему хотелось сказать, что тетрадь нельзя класть туда. Что она не относится к тем документам. Что имена детей не должны лежать между сводкой о пропускной способности железной дороги и рапортом о снабжении лагеря.

Но именно так всё и происходило тогда.

Люди попадали между листами.

Их сперва отмечали в списках, потом переводили в статистику, затем в архив. И наконец находился кто-нибудь, кто говорил, что без подлинника невозможно установить обстоятельства.

– Генерал? – окликнул Харрис.

– Да.

– Вы можете прочесть тетрадь?

– Могу.

– Тогда начнём.

Записная книжка была небольшой, в чёрной клеёнчатой обложке, с распухшими от сырости страницами. Не школьная тетрадь и не канцелярский журнал – обычная вещь, какую могла купить учительница или бухгалтер до войны и носить в кармане пальто.

Вайс сел за стол.

Напротив устроились Харрис и переводчик. Сержант приготовил чистые листы для описи. У двери остался часовой.

Первую страницу испещряли даты.

Октябрь 1941.

Дети, оставшиеся без родителей.

Смоленск. Район бывшей школы № 6.

Далее шли фамилии.

---

[63] — Личные вещи или документы?

Некоторые были написаны чернилами, другие – простым карандашом. Возле одних стоял возраст. Возле других – адрес, часто неполный: улица, дом, подвал, сарай у станции. Иногда – одно слово.

Болен.

Нет матери.

Увезли.

Вернулся.

Умер.

Вайс читал медленно.

– «Белов Николай, девять лет. Отец на фронте, мать погибла при бомбёжке. Сестра – Валя, шесть лет…»

Он замолчал.

На полях напротив фамилии стояла короткая карандашная пометка:

«Февраль 42. Нет сведений».

– Continue,[64] – тихо сказал Харрис.

Вайс продолжил.

Он читал имена, и каждое казалось ему знакомым не потому, что он видел этих детей, а потому, что всё было устроено так, чтобы их имена не запоминались. Штабная сводка не требовала фамилии ребёнка. Требовала количество населения, доступное продовольствие, состояние коммуникаций, угрозу эпидемии, потребность в рабочей силе.

Имя в такой системе мешало.

Оно не позволяло сказать: «местные ресурсы». Не давало переписать человека в колонку «убыль». Не умещалось в выражение «мероприятия по эвакуации».

– Здесь другая рука, – заметил переводчик.

Вайс наклонился.

После нескольких страниц почерк действительно менялся. Чернила становились бледнее, буквы – мельче, торопливее. Иногда одни и те же фамилии были перечёркнуты и вписаны вновь.

– Это позже, – сказал он. – Вероятно, она переписывала список или дополняла по памяти.

– Кто «она»? – спросил Харрис.

– Анна Ларионова. Учительница.

– Та женщина, о которой говорила фрау Хартман?

– Да.

– Вы встречались?

Вайс не отрывал глаз от страницы.

– Да.

– When?[65]

– Осенью сорок первого.

– In what capacity?[66]

Вопрос был задан сухо, почти канцелярски. Но в комнате вдруг стало тесно.

---

[64] - Продолжайте

[65] - Когда?

[66] — В каком качестве?

– Как офицер штаба, направленный в комендатуру для проверки сведений о местных служащих.

– Вы допрашивали её?

– Да.

– Why?[67]

– Потому что она была учительницей. Потому что её брат служил в Красной армии. Потому что наша администрация искала связи с партизанами. Потому что тогда любой русский мужчина призывного возраста, не находившийся в немецком лагере, считался потенциальной угрозой.

Харрис смотрел на него.

– Did she have such connections?[68]

– Не знаю.

– You interrogated her and you do not know?[69]

– Я не нашёл доказательств.

– That wasn't my question.[70]

Вайс поднял глаза.

– Нет. Я не знаю.

Харрис кивнул, словно сделал какую-то внутреннюю отметку.

– Continue.[71]

Вайс перевернул страницу.

Там список неожиданно обрывался. Несколько имён были зачёркнуты густыми линиями. Внизу стояла дата: **март 1942 года**. А под ней – примечание:

«Колонна на запад. Станция. Не всех успела записать».

За этой страницей шёл вложенный лист, сложенный вчетверо.

Вайс развернул его осторожно.

Это была копия ведомости на немецком языке. Заголовок:

«Распределение несовершеннолетних лиц, направляемых в рейх для трудового использования и попечения».

Он ощутил, как Харрис рядом выпрямился.

В ведомости перечислялись номера, пол, примерный возраст, место отправления. Большинство фамилий было передано с ошибками или вовсе заменено пометками: «девочка, русская», «мальчик без документов», «сирота».

Но справа, на полях, чернилами Анны были дописаны имена.

Те, которые она успела узнать.

Вайс читал их и ощущал, как в нём сопротивляется старая профессиональная привычка. Она требовала сначала установить, кто составил ведомость, кто санкционировал отправку, каков её юридический статус, существует ли оригинал, где приложение.

Всё это было важно.

Но не прежде имён.

– Сколько? – спросил Харрис.

– В этой ведомости – сорок семь.

– Children?[72]

---

[67] - Почему?

[68] — Были ли у неё такие связи?

[69] — Вы её допрашивали и ничего не знаете?

[70] — Это был не мой вопрос.

[71] - Продолжайте.

[72] - Дети?

– Да.

– На работы?

Вайс снова перечитал заголовок.

– Так написано.

– А на самом деле?

Он ответил не сразу.

– На принудительное перемещение. Что было потом с каждым – нужно устанавливать отдельно.

Харрис сжал губы.

– You people had a gift for giving horror a long name.[73]

Вайс не возразил.

Внизу листа стояла подпись начальника отдела рабочей силы при тыловом управлении. Под ней – круглая печать. Ещё ниже, почти незаметно, карандашная резолюция:

«Согласовать транспорт с отделом безопасности. О. Браун».

Вайс наклонился ближе.

Он знал этот почерк.

Не потому, что Браун писал красиво. Напротив – его буквы всегда были мелкими, деловыми, с сильным наклоном вправо. В них не было ничего индивидуального, кроме привычки подчёркивать слова, которые он считал опасными.

Здесь он подчеркнул одно:

«безопасности».

– Что там? – спросил Харрис.

Вайс перевёл.

Лейтенант протянул руку.

– Let me see.[74]

Вайс передал лист.

Харрис не мог прочесть немецкую скоропись, но подпись и печать увидел сразу.

– Braun?

– Да.

– The man who ran?[75]

– Да.

Лейтенант положил ведомость на отдельный край стола.

– Тогда его ищут не только из-за вашей догадки.

– Не только.

– Did he organise these transports?[76]

– Я не могу утверждать этого по одной резолюции.

– But?[77]

– Но он участвовал в их согласовании. И знал, что речь идёт о детях.

Харрис поднял глаза.

– How can you be sure?[78]

Вайс указал на верхнюю строку:

– Здесь написано: «несовершеннолетние».

---

[73] — У вас был талант давать ужасам длинные названия.

[74] - Дайте-ка подумать.

[75] — Тот, кто убежал?

[76] — Он сам организовал эти перевозки?

[77] - Но?

[78] — Как можно быть уверенным?

Лейтенант долго смотрел на бумагу.

Затем негромко сказал:

– Put it in the record.[79]

Сержант начал печатать.

Вайс слушал стук клавиш и думал, как легко было прежде спутать работу с невиновностью. Он сам не отправлял эти колонны. Не стоял на станции. Не загонял детей в вагоны. Он работал в другом отделе, в другом здании, с другими бумагами.

Но он знал, что поезд на запад никогда не является просто поездом.

Особенно когда в нём едут дети без документов.

После полудня в комнату вошёл военный полицейский и передал Харрису записку.

Тот прочёл её, нахмурился.

– Braun is not in the camp, – сказал он. – He was never properly processed.[80]

– Как это возможно? – спросил переводчик.

Харрис посмотрел на листок.

– Он приехал с группой немецких административных работников, которых использовали как переводчиков на одном из складов. У него была временная бумага от местной британской части. Затем он исчез до передачи в наш пункт.

– Значит, у него были связи, – сказал Вайс.

– Or luck.[81]

– Это почти одно и то же, когда человек умеет пользоваться хаосом.

Харрис встал и подошёл к окну. За ним лагерный двор медленно подсыхал после дождя. Люди переносили ящики, тянули тележки, стояли у кухни. Никто не знал, что в комнате рядом лежит лист с сорока семью детскими именами, который может изменить чью-то судьбу – или не изменить ничью.

– We will send a notice to military government, – сказал Харрис. – And we will keep translating.[82]

– Этого достаточно? – спросил Вайс.

Харрис повернулся.

– Нет.

– Тогда что ещё?

– Вы хотите от меня ответ, генерал, как будто я командую армией. Я лейтенант с двадцатью людьми, двумя машинами, лагерем, полным голодных и испуганных немцев, и приказом не позволить вашим бумагам исчезнуть до прибытия тех, кто должен ими заниматься.

Вайс кивнул.

– Простите.

– Don’t. Just work.[83]

Он вернулся к столу.

В конце тетради листы были вырваны.

Остался лишь неровный край и отпечаток карандаша, едва заметный на следующей странице. Вайс повернул книжку к свету, попробовал прочесть продавленные буквы.

– Что там? – спросил переводчик.

---

[79] — Запишите это в протокол.

[80] — Брауна нет в лагере, — Его так и не оформили должным образом.

[81] — Или удача.

[82] — Мы отправим уведомление военному правительству, — И мы продолжим переводить.

[83] — Не надо. Просто работайте.

– Подождите.

Он достал из портфеля мягкий карандаш, положил поверх страницы тонкий лист бумаги и осторожно провёл по нему боковой стороной грифеля.

Буквы проступали медленно.

Не полностью. Отдельными штрихами.

Фамилия.

Ларионов Сергей.

Ниже:

«Увезён. 18 лет. Работы – Германия. Документ отобрал Б…»

Последняя буква не была дописана или не отпечаталась.

Но Вайсу она была не нужна.

Сергей Ларионов – младший брат Анны. Тот самый, о котором он спрашивал её в комендатуре.

Где брат?

Он ушёл с армией?

Вы поддерживаете с ним связь?

Она тогда ответила: «Я не знаю, где он».

И это могло быть правдой.

А теперь выходило, что брат не погиб в первые месяцы войны, не ушёл к партизанам, не пропал бесследно. Его вывезли в Германию.

Возможно, на принудительные работы.

Возможно, под ведомостью, согласованной Брауном.

– Who is Sergey Larionov?[84] – спросил Харрис.

Вайс ответил тихо:

– Человек, которого, возможно, ещё можно найти.

Харрис посмотрел на него внимательно.

– You said “possibly.”[85]

– Я учусь не говорить «наверняка», когда знаю слишком мало.

Лейтенант кивнул.

– Good. Then we start with what you know.[86]

Вайс закрыл тетрадь.

За окном ребёнок плакал – громко, сердито, с тем упрямством, которое бывает у слишком маленьких людей, чтобы понимать необходимость терпеть. Потом его кто-то взял на руки, и плач оборвался.

Вайс положил ладонь на чёрную обложку тетради.

Список не обещал, что кого-нибудь удастся спасти.

Для большинства имён он появился слишком поздно.

Но он не позволял им исчезнуть так легко, как исчезали сводки, эшелоны, подписи и люди, умевшие вовремя сменить имя.

---

[84] — Кто такой Сергей Ларионов?

[85] — Вы сказали «возможно».

[86] — Хорошо. Тогда начнём с того, что вам известно.

Глава 7. Человек из Польши

К вечеру в лагерь пришёл приказ: документы из усадьбы фон Бока надлежало отправить в окружное управление военной администрации на следующее утро.

Харрис прочёл распоряжение дважды, потом положил лист на стол.

– That is sooner than I expected.[87]

– Кто подписал? – спросил Вайс.

– Штаб округа.

– По чьему запросу?

– Не указано.

– А должно быть?

– В нормальном мире – возможно.

– А в этом?

Харрис сложил лист вчетверо.

– В этом мире бумага приходит раньше объяснений.

Он убрал приказ в папку, однако Вайс заметил: лейтенант не поставил на ней отметку о получении. Привычка, оставшаяся от людей, которые ещё надеялись, что порядок можно восстановить штампом.

– Куда именно отправят материалы? – спросил Вайс.

– В Люнебург. Там есть отдел по военным документам и безопасности. Дальше решат.

– Их будут копировать?

– Вероятно.

– «Вероятно» – не ответ.

Харрис устало взглянул на него.

– Генерал, я не хранитель имперских архивов. Я должен обеспечить, чтобы бумаги не пропали по дороге.

– Именно по дороге они обычно и пропадают.

Лейтенант медленно выпрямился.

– Вы полагаете, кто-то уже пытается их забрать?

Вайс кивнул на приказ.

– Вчера о ящике знали вы, я, сержант Хоук, Мельник. И человек, который приехал к дому. Сегодня штаб округа внезапно требует всё к утру.

– Браун не мог отдать приказ британскому штабу.

– Не напрямую. Но он мог сказать кому-то, что в бумагах находится нечто, требующее срочного внимания. Он умеет говорить так, чтобы его интерес выглядел государственным.

Харрис молчал. Затем позвал сержанта.

– Hoke. Double guard on the documents. No one enters this room without my written order. No one. Even if they have a colonel’s moustache and a signed letter from the King.[88]

Хоук усмехнулся.

– Especially then, sir.[89]

Когда сержант ушёл, Харрис снова посмотрел на Вайса.

– Вы останетесь здесь на ночь.

– Под охраной?

---

[87] — Это произошло раньше, чем я ожидал.

[88] — Хоук. Двойная охрана документов. Никто не войдет в эту комнату без моего письменного распоряжения. Никто. Даже если у них усы полковника и подписанное письмо от короля.

[89] — Особенно тогда, сэр.

– Да.

– Как свидетель или как подозреваемый?

– Пока как немецкий генерал с полезной памятью и опасной привычкой задавать вопросы. Считайте, что это привилегия.

– В прежней армии за такие привилегии обычно платили другие.

Харрис не понял смысла фразы, но уловил тон.

– Вы могли бы облегчить себе жизнь, Вайс.

– Я пытался. Получилось плохо.

Комната, куда его отвели, прежде, вероятно, служила кабинетом дежурного офицера. Теперь в ней стояли железная кровать, табурет, ведро с водой и печка-буржуйка, давно погасшая. Окно выходило на двор; стекло в нём треснуло крест-накрест, а щель была залеплена картоном.

Портфель фон Бока оставили при нём после того, как Харрис бегло осмотрел содержимое ещё раз.

– Личные письма, компас, семейные фотографии, – перечислил он. – Nothing else?[90]

– Ничего.

Это было правдой, если не считать письма, спрятанного Вайсом во внутреннем шве пальто.

Он не хотел скрывать его. Он сказал себе, что должен сначала прочитать его до конца и понять, имеет ли оно отношение к архиву. Потом поймал себя на знакомом порядке мыслей: сначала – исключение, затем – обоснование, затем – молчание.

Письмо фон Бока лежало у него на груди, между рубашкой и подкладкой пальто.

Вайс сел на кровать, снял ботинки. Плечо ныло. Он растёр его ладонью, затем открыл портфель.

Компас лежал в боковом кармане.

Вайс вынул его, щёлкнул крышкой. Стрелка уверенно качнулась и остановилась. Север находился там, где ему и положено было быть.

Он подумал о фон Боке.

О том, как фельдмаршал держал этот компас в руке нечасто, почти никогда при других. Словно стеснялся старой вещи, слишком личной для человека, который привык жить среди карт, где направление определяли линейки, координатные сетки и доклады разведки.

Не называй спокойствие порядком.

Поздняя фраза. Точная. Бессильная.

Она не возвращала мёртвых. Не отменяла присяги, кампаний, приказов. Не делала фон Бока человеком, который вовремя ушёл, отказался, выступил, приказал прекратить. Но Вайс знал: признать это – не значит выбросить письмо в печь и сказать, что признание ничего не стоит.

Некоторые вещи не исправляют прошлого.

Они лишь не позволяют лжи окончательно его занять.

За дверью остановились шаги.

– Войдите, – сказал Вайс.

Дверь открылась. На пороге стоял Гефнер.

Его пропустил часовой – вероятно, потому что в руках у него была жестяная кружка и он выглядел так, словно пришёл не к генералу, а к умирающему родственнику.

– Вам нельзя сюда, – сказал Вайс.

– Можно. Я спросил. Они решили, что я принёс вам чай.

---

[90] Больше ничего?

– А вы?

– Принёс чай.

Он поставил кружку на табурет. Затем достал из кармана маленький свёрток в промасленной бумаге.

– И это.

Вайс не взял свёрток.

– Что там?

– Фотография.

– Чья?

– Моих дочерей.

– Зачем она мне?

Гефнер сел на край табурета, не спрашивая разрешения.

– Не вам. Просто… я хотел, чтобы вы посмотрели.

Вайс медленно развернул бумагу.

На снимке были две девочки: старшей – лет двенадцать, младшей – восемь или девять. Они стояли у реки в лёгких летних платьях. Младшая щурилась от солнца; старшая держала её за плечо с выражением терпеливого превосходства, доступного только старшим сёстрам.

На обороте стояло: **«Лена и Марта. Ганновер, июль 1943».**

– Красивые, – сказал Вайс.

– Были.

Вайс поднял глаза.

– Не говорите так.

– Почему? Потому что вы не знаете?

– Да.

Гефнер несколько секунд смотрел на фотографию.

– Я спрашивал в списках. В госпиталях. У беженцев. В приходах, хотя я не хожу в церковь. Мне сказали ждать. Все теперь говорят: ждите. Как будто ожидание – это работа, которую можно выполнить.

Он забрал снимок и снова завернул его.

– В сорок первом я думал, что война не коснётся дома. Глупо, да? Не потому, что я верил газетам. Я просто… – он провёл пальцем по краю кружки. – Просто считал, что если сидишь достаточно далеко от стрельбы, то остаёшься порядочным человеком.

Вайс не перебивал.

– В Минске, – продолжил Гефнер, – я видел тот лагерь. Один раз. Меня отправили проверить, почему задерживается разгрузка. Там стояли люди. Тысячи. За проволокой. И я сказал себе: это не мой участок. Я не врач. Не охрана. Не комендант. Мой участок – транспорт.

Он усмехнулся.

– Знаете, что самое мерзкое? Я даже был прав. Это действительно не был мой участок.

– И что вы сделали?

– Уехал. Составил рапорт о задержке разгрузки. Написал: «Причины санитарного характера».

Вайс почувствовал, как в нём поднимается знакомое желание облегчить разговор: сказать, что война ломает людей, что все были заперты в системе, что страх понятен.

Но это были бы слова, которые ничего не стоят, если не назвать остальное.

– Вы понимали, что там происходит? – спросил он.

Гефнер закрыл глаза.

– Да.

– Тогда напишите об этом.

Гефнер резко посмотрел на него.

– Кому?

– Харрису. Следствию. Мне всё равно. Но напишите.

– И что это изменит?

– Не знаю.

– А вы уже всё решили? Вчера вы хотели спасти бумаги. Сегодня хотите спасти мир показаниями?

– Нет.

– Тогда зачем?

Вайс посмотрел в окно. Во дворе горела одинокая лампа. В её свете дождевые лужи казались чёрными.

– Потому что вы пришли сюда не с чаем, – сказал он. – Вы пришли узнать, можно ли ещё не быть тем человеком, который уехал от лагеря.

Гефнер побледнел.

– Нельзя, – добавил Вайс. – Нельзя перестать им быть. Но можно перестать врать, что его не существовало.

Долгое время они молчали.

Потом Гефнер поднялся.

– Я не обещаю.

– Я и не просил обещаний.

– Нет. Просили.

Он взял кружку.

– Просто вы сказали это так, как говорят штабные офицеры: будто вопрос уже внесён в журнал и остаётся только поставить подпись.

Он направился к двери.

– Гефнер.

Тот обернулся.

– Если будете писать – начните с имён. Не с того, что вы чувствовали. С того, кого видели.

Гефнер кивнул. На этот раз без горечи.

– Имена, – повторил он.

Ночью Вайс не спал.

Около двух часов он услышал у окна лёгкий стук. Не громкий – три коротких удара по раме, пауза, ещё один.

Он поднялся бесшумно. В дверном проёме дремал часовой, откинувшись на стуле. Вайс подошёл к окну.

За картоном шевельнулась тень.

– Кто там? – прошептал он по-немецки.

Ответа не было.

Он отодвинул край картона.

Снаружи, в темноте, стоял мальчик лет четырнадцати. Худой, в куртке, явно снятой со взрослого. На голове – кепка. Он смотрел настороженно, готовый бежать.

– Вы генерал Вайс? – спросил он.

– Был.

– Мне велели передать.

Он протянул через разбитую часть окна сложенный лист.

– Кто велел?

Мальчик отступил.

– Человек.

– Какой человек?

– В пальто. Сказал: если не передам, меня поймают англичане.

– Как его звали?

Мальчик покачал головой.

– А если передашь?

– Сказал, дадут хлеб.

Вайс почувствовал, как что-то холодное проходит по спине.

Он взял записку.

– Подожди.

Мальчик уже исчез.

Вайс развернул лист.

Он был вырван из немецкого блокнота. Почерк принадлежал Брауну.

Вайс узнал его по узким, ровным буквам.

Генерал,

завтра утром документы уйдут. У вас ещё есть ночь, чтобы решить, кого вы хотите погубить вместе с собой.

Не доверяйте англичанину больше, чем мне. Он служит своему государству; Вы – своему страху.

Если хотите говорить разумно, приходите один к старому кирпичному заводу у северной дороги. До рассвета.

О. Б.

Вайс перечитал записку.

Браун знал о приказе.

Знал, где хранятся документы.

И знал, что Вайс находится под охраной.

Это могло означать лишь одно: Браун не бежал далеко. Или у него был человек внутри лагеря. Возможно, не один.

Вайс посмотрел на дремавшего часового.

Потом на дверь.

Потом на портфель.

Ему предлагали встретиться одному – как будто он снова был офицером, которого можно вызвать на частный разговор и объяснить, что государственные интересы требуют тишины.

Он почти улыбнулся.

Браун не понял главного.

Карл Вайс больше не верил в частные разговоры. Именно они годами делали преступления удобными: один говорит тихо, другой кивает, третий не записывает, четвёртый утверждает, что ничего не слышал.

Он сложил записку, разбудил часового и попросил позвать лейтенанта Харриса.

Через двадцать минут Харрис появился в дверях, злой и сонный.

– What happened?[91]

Вайс протянул ему лист.

Лейтенант прочёл перевод, сделанный поспешно вызванным переводчиком. Его лицо стало жёстким.

– It may be a trap.[92]

– Да.

– You were going to go?[93]

---

[91] - Что случилось?

[92] — Это может быть ловушка.

[93] — Вы собирались пойти?

– Нет.

Харрис внимательно посмотрел на него.

– Good.

– Я хотел, чтобы вы знали.

– Why?[94]

Вайс подумал.

– Потому что Браун рассчитывает, что я буду действовать так, как действовал прежде: сам решать, что можно скрыть, а что нет.

Харрис сложил записку.

– And now?[95]

– Теперь я не хочу облегчать ему работу.

Лейтенант кивнул.

– Тогда мы устроим ему разочарование.

Он повернулся к сержанту у двери:

– Wake Hoke. Quietly. And get me a map of the northern road.[96]

Вайс посмотрел на портфель фон Бока.

Внутри лежал компас, который всегда показывал север.

Но этой ночью впервые направление не означало ответа.

Старый кирпичный завод находился в полутора милях к северу от лагеря, за полосой заболоченного луга и узкой дорогой, по которой прежде возили глину к станции. Его трубы давно не дымили. Во время войны в пустых сушильных сараях держали реквизированное имущество, затем – беженцев, потом, по словам Мельника, там ненадолго устроилась какая-то тыловая контора. После капитуляции завод стоял пустым.

Место было выбрано хорошо.

Достаточно близко, чтобы до него можно было дойти пешком. Достаточно далеко, чтобы не слышать лагерных голосов. Слишком пустынно, чтобы случайный прохожий оказался свидетелем.

Харрис изучал карту при свете настольной лампы.

– Он хочет, чтобы вы пришли через северные ворота, – сказал он. – Там нет постоянного поста. Значит, рассчитывает на кого-то внутри или знает распорядок.

– И то и другое, – ответил Вайс.

– Вы уверены?

– Нет. Но Браун редко ставил на одну возможность, когда мог создать две.

Лейтенант поднял на него взгляд.

– Вы хорошо его знаете.

– К сожалению.

Хоук стоял у окна, проверяя затвор винтовки. Он не вмешивался, но по его лицу было видно: мысль о ночной прогулке к заброшенному заводу нравилась ему не больше, чем любому человеку, которому поручили поймать неизвестного беглеца в темноте.

– No heroics, – сказал он. – He sees us, he runs. He has a gun, he drops it. He shoots, we shoot back. Simple.[97]

Вайс посмотрел на него.

– Ничего простого тут не будет.

Сержант пожал плечами.

---

[94] - Почему?

[95] — А сейчас?

[96] — Проснись, Хоук. Тихо. И принеси мне карту северной дороги.

[97] — Никакого героизма, — Он нас видит, убегает. У него пистолет, он его бросает. Он стреляет, мы стреляем в ответ. Всё просто.

– It never is. That's why we keep the instructions short.[98]

Харрис разложил на столе лист бумаги.

– Вы не выйдете из лагеря.

– Он не покажется, если увидит солдат.

– И прекрасно. Нам нужен он, не его доверие.

– Ему нужны бумаги. Он может попытаться поджечь склад или забрать кого-то в заложники.

Харрис несколько секунд молчал.

– Вы думаете, он способен на это?

– Я думаю, он способен на то, что сочтёт необходимым. Он никогда не называл это жестокостью. Только необходимостью.

Лейтенант провёл карандашом по карте.

– Мы поставим людей у дороги и у завода. Вы останетесь здесь. Мы передадим ему ответ.

– Как?

– Так же, как он передал вам записку: через мальчишку, если найдём мальчишку. Или оставим сообщение на месте.

– Он не придёт за сообщением.

– Тогда не придёт.

Вайс посмотрел на карту.

Ему хотелось возразить. Сказать, что Браун действует иначе. Что он проверит подступы, будет ждать, менять точку, использовать человека, который не знает всей схемы. Но любой его совет превращал бы его в участника операции, а не в человека, обязанного дать показания.

И всё-таки отстраниться не получалось.

– Он не будет ждать до рассвета у завода, – сказал Вайс. – Это слишком очевидно. Завод – проверка. Ему нужно понять, готов ли я прийти один и готов ли скрывать встречу. Если я не приду, он решит, что бумаги уже под охраной. Тогда он будет искать другой путь.

– Какой?

– Через людей.

– Каких людей?

– Тех, кто боится бумаг больше, чем его.

Харрис нахмурился.

– В лагере?

– Везде.

Он вспомнил Гефнера с фотографией дочерей, Мельника у письменного стола, бывших чиновников в очереди, которые уже учились рассказывать о себе так, чтобы в рассказе не оставалось ни одной опасной даты.

– Он будет говорить не угрозами, – продолжил Вайс. – Он предложит каждому спасение. Скажет, что бумаги не различают степень вины. Что русские не будут различать. Что англичанам нужна лишь красивая история. И многие захотят ему поверить.

Харрис медленно сложил карту.

– Тогда, возможно, вы правы: он опаснее, чем человек с пистолетом.

До рассвета Браун на завод не пришёл.

Британский патруль нашёл лишь следы в сырой земле за сушильным сараем: отпечатки двух пар мужских ботинок, окурок, обрывок упаковочной бумаги и пустую банку из-под мясных консервов. На кирпичной стене, возле пролома в ограде, кто-то мелом вывел одно слово:

«Поздно».

---

[98] — Так никогда не бывает. Поэтому мы и пишем короткие инструкции.

Хоук, вернувшись в лагерь, соскоблил надпись ножом.

– Germans do love a dramatic exit, – буркнул он.[99]

Вайс не возразил. Он думал не о слове на стене, а о второй паре следов.

Браун был не один.

К утру документы всё же не отправили.

Пришла новая телеграмма: перевозку задержать до прибытия сотрудника военной администрации, владеющего немецким языком и имеющего полномочия по делам бывших военных учреждений. Харрис прочёл её без особой радости.

– Видите? – сказал он. – Теперь у нас есть объяснение.

– Нет, – ответил Вайс. – Теперь у нас есть ещё одна бумага.

Лейтенант взглянул на него почти с раздражением, но спорить не стал.

В десять часов у ворот остановился закрытый армейский автомобиль. Из него вышли двое: британский майор с красной нашивкой военной администрации на рукаве и немец в тёмном пальто, с аккуратно уложенными волосами и портфелем под мышкой.

Немец представился доктором Куртом Рёдером, юридическим советником при окружном управлении.

– Не следует путать меня с вашим бывшим военным юристом, – сказал он Вайсу, едва Харрис назвал фамилии. – Хартман, кажется, был весьма своеобразным человеком.

Вайс не ответил.

Рёдер улыбнулся, словно это была мелкая неловкость на приёме.

Он был лет сорока, гладко выбрит, тщательно одет, с мягким голосом и привычкой слушать собеседника, чуть склонив голову. В иной обстановке его можно было принять за университетского преподавателя или адвоката. Вайс сразу понял: перед ним человек, который никогда не повышает голос, потому что предпочитает, чтобы другие делали это за него.

Майор представился Грэмом. Он пожал Харрису руку, коротко выслушал доклад и спросил:

– The German general has been translating?[100]

– Yes, sir.

– Reliable?[101]

Харрис посмотрел на Вайса.

– He has admitted material against himself.[102]

Грэм кивнул.

– That is either very useful or very clever.[103]

– Может быть, и то и другое, – сказал Рёдер по-английски.

Харрис бросил на него холодный взгляд.

– We'll find out.[104]

Рёдер открыл портфель.

– Мне поручено провести предварительную классификацию документов: военные, административные, личные, потенциально относящиеся к преступлениям. После этого материалы будут распределены по соответствующим инстанциям.

– Каким? – спросил Вайс.

---

[99] — Немцы любят драматичный выход, — буркнул он.

[100] — Немецкий генерал занимался переводом?

[101] - Надежный?

[102] — Он признал наличие доказательств против себя.

[103] — Это либо очень полезно, либо очень умно.

[104] — Мы это выясним.

– Тем, которым положено.

– Это не ответ.

Рёдер снова улыбнулся.

– Генерал Вайс, в нынешней Германии слишком многие требуют точных ответов от людей, которым прежде не позволяли задавать вопросов. Прошу вас набраться терпения.

– Я набирался терпения четыре года. Результат лежит в ящиках.

Майор Грэм поднял ладонь.

– Gentlemen. We are here to preserve evidence, not rehearse the war.[105]

Рёдер слегка поклонился.

– Разумеется.

Он прошёл к столам, где лежали папки Хартмана. Перчаток не надел. Листал бумаги уверенно, быстро, иногда делая пометки в блокноте. Вайс наблюдал за ним и ощущал почти необъяснимую тревогу.

Не потому, что Рёдер делал что-то явно неправильно.

Напротив. Он делал всё слишком умело.

– Вот это, – произнёс Рёдер, подняв сводку по лагерю военнопленных, – относится к компетенции советской стороны. Военнопленные Красной армии, территория СССР. Логично выделить.

– Копии должны остаться здесь, – сказал Вайс.

– Если есть возможность – конечно.

– Не «если». Должны.

Рёдер впервые посмотрел на него без улыбки.

– Вы, вероятно, не вполне осознаёте своё положение. Вы не распорядитель архива. Вы – лицо, чьи действия могут быть предметом расследования.

– Осознаю.

– Тогда позвольте профессионалам определить порядок.

Вайс не ответил.

Рёдер перелистнул ещё несколько страниц и вдруг остановился на ведомости о перевозке несовершеннолетних. Та лежала отдельно, рядом с копией тетради Анны.

Он прочёл заголовок, чуть нахмурился.

– Неудачная формулировка, – сказал он.

– Какая именно? – спросил Харрис.

– «Для трудового использования и попечения». Ведомственный язык военного времени. Разумеется, сейчас он будет выглядеть крайне неблагоприятно.

– А тогда? – спросил Вайс.

Рёдер поднял глаза.

– Тогда он был обычным для соответствующих служб.

– Я спросил не об этом.

В комнате повисла тишина.

– Тогда, – медленно произнёс Рёдер, – шла война. Война порождает ужасные перемещения населения, распад семей, административные ошибки. Это не означает, что каждый чиновник, поставивший резолюцию, планировал преступление.

– Но означает, что дети были вывезены.

– Возможно. Это требует проверки.

– И что Браун согласовывал транспорт.

– Его подпись требует экспертизы.

– Она подлинная.

---

[105] — Господа. Мы здесь для того, чтобы сохранить улики, а не для того, чтобы разыгрывать войну.

– Вы уверены?

– Да.

Рёдер закрыл папку.

– Уверенность бывшего генерала – ещё не экспертиза.

Вайс почувствовал, как в нём поднимается злость. Не ярость – она была бы проще. Холодное, точное раздражение от того, что он уже слышал эту музыку: сначала сомнение в документе, затем сомнение в словах, затем сомнение в памяти, и наконец – удобное отсутствие установленного факта.

Харрис опередил его.

– The document stays in this file, – сказал он. – And copies are made before anything moves.[106]

Рёдер повернулся к майору Грэму.

– Sir, with respect, duplicate copying will delay the transfer.[107]

– Then it delays the transfer.[108]

– These materials may contain operational information–[109]

– The war is over, Doctor.[110]

– Именно поэтому, майор, нам следует избегать политического использования необработанных документов.

Грэм посмотрел на него спокойно.

– Every document is political once people start fearing it. Make copies.[111]

Рёдер поклонился.

– Как скажете.

Вайс заметил, что, закрывая портфель, немецкий юрист мельком взглянул на него. Не как на свидетеля. Как на препятствие, которое пока не решено – обойти или убрать.

В полдень к Вайсу пришёл Гефнер.

Его привёл Хоук, но на этот раз не как посетителя. У бывшего капитана в руках была папка, а лицо имело тот серый оттенок, какой бывает у людей, не спавших всю ночь и всё-таки решивших не отступать.

– Он просит сделать заявление, – сказал Хоук.

Гефнер сел за свободный стол.

– Я хочу записать показания, – произнёс он. – О лагере под Минском. О разгрузке. О том, что видел.

Рёдер, стоявший у другого края комнаты, обернулся.

– Показания следует давать в установленном порядке, – заметил он. – Не в присутствии лиц, заинтересованных в содержании.

Гефнер посмотрел на него.

– А вы кто?

– Доктор Рёдер. Юридический советник.

– Немецкий?

– Да.

– Тогда я не хочу давать показания при вас.

Рёдер едва заметно улыбнулся.

---

[106] — Документ остаётся в этом файле, — сказал он. — И копии делаются, прежде чем что-либо переместится.

[107] — Уважаемый господин, сообщаю, что дублирование документов задержит передачу данных.

[108] — Тогда это задерживает перевод.

[109] — Данные материалы могут содержать оперативную информацию —

[110] — Война окончена, доктор.

[111] — Любой документ становится политическим, как только люди начинают его бояться. Делайте копии.

– Это ваше право. Хотя я бы рекомендовал не поддаваться эмоциям. В подобных делах они часто мешают точности.

Гефнер побледнел, но не отвернулся.

– Точность – это когда я пишу, сколько людей лежало у проволоки? Или когда пишу, сколько вагонов задержали? – спросил он. – Потому что я могу и то и другое. Я тогда выбрал вагоны.

Вайс подошёл ближе.

– Пишите, – сказал он. – С даты. С места. С фамилий тех, кого помните.

– А потом?

– Потом подпишете.

Гефнер усмехнулся.

– Вы всё ещё умеете давать распоряжения.

– Да. К сожалению.

– А вы подпишете своё?

Вайс встретил его взгляд.

– Подпишу.

Гефнер кивнул и взял ручку.

Рёдер закрыл портфель чуть громче, чем требовалось.

В этот момент Вайс понял: Браун не обязательно должен был проникать в лагерь или поджигать ящики. Ему достаточно было дождаться людей, которые снова назовут страх благоразумием, а уничтожение следов – правильной процедурой.

Их было больше, чем он хотел бы признать.

Но теперь хотя бы один человек начал писать.

К вечеру в бывшей караульной комнате стало тесно не от людей – от бумаги.

На столах лежали разложенные по стопкам папки, отдельные листы, фотографии, тетрадь Анны Ларионовой, ведомости и сводки. Рядом с ними стояли британские ящики, на которых мелом были выведены номера. Сержант Хоук принёс из склада полевой копировальный аппарат – тяжёлое устройство с валиком и резким запахом спирта. Рядом поставили машинку, на которой переводчик печатал описи.

Работа шла медленно.

Каждый лист нужно было пронумеровать, занести в журнал, описать кратко, но так, чтобы из краткости не исчез смысл. Затем снять копию – если бумага выдерживала валик и не рассыпалась в пальцах.

– Номер В-17, лист сорок второй, – диктовал Харрис. – Служебная записка о состоянии лагеря военнопленных. Дата?

– Двадцать шестое ноября сорок первого, – ответил Вайс.

– Автор?

– Начальник медицинской службы тыла армии. Фамилия неразборчива, но подпись можно сверить по другим документам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.